

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР
ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ И КОСМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Четыре лекции,
прочитанные в Берлине
20-23 января 1914 г.

RUDOLF STEINER
DER MENSCHLICHE UND DER KOSMISCHE GEDANKE

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ
Берлин, 20 января 1914 г.

В четырех лекциях, которые мне предстоит прочесть в ходе нашего Генерального собрания, я хотел бы поговорить с вами о связи человека со Вселенной с одной определенной точки зрения. И эту точку зрения я наметил бы следующим образом.

Человек переживает в себе то, что мы можем назвать мыслью, и в мысли он может почувствовать себя существом непосредственно деятельным, существом, которое способно обозначать свою деятельность. Если мы наблюдаем какой-нибудь внешний предмет, например, розу или камень, и составляем себе представление об этом внешнем предмете, то нам могут с полным основанием сказать: ты, собственно, никогда не знаешь, сколько в твоём представлении о камне или розе содержится от самой вещи, от самого растения. Ты видишь розу, ее красный цвет, ее форму, видишь, что она состоит из отдельных лепестков; ты видишь камень с его окраской, различными гранями, но при этом ты всегда будешь вынужден признать, что в них может заключаться еще что-то такое, что внешне остается незамеченным тобою, и ты не знаешь, насколько полным является твоё представление об этом камне или этой розе.

Когда же у кого-нибудь появляется какая-либо мысль, то эту мысль он образует сам. Хотелось бы даже сказать, что тогда он находится в каждой прожилке этой своей мысли, является участником всей мыслительной деятельности. Он знает: то, что заключено в этой мысли - это то, что я сам, мысля, вложил в нее. А того, чего я не вкладывал в эту мысль, в ней и не может быть. Я вижу мысль целиком. Когда я внутренне вижу мысль, то уже никто не предположит, что в ней может находиться еще столько-то и столько-то чего-либо иного, как это можно судить, например, относительно розы или камня. Ибо я сам создал эту мысль, я присутствую в ней, и поэтому знаю, что находится в ней.

Действительно, мысль - это самое заветное у нас. И если мы установим отношение мысли к Космосу, ко Вселенной, то мы установим и отношение самого заветного у нас к Космосу, ко Вселенной. Поэтому рассмотрение отношения человека ко Вселенной, начатое с его мысли, обещает быть действительно плодотворным, и мы предполагаем им заняться. Оно поведет нас на значительные высоты антропософского исследования. Сперва же надо построить только фундамент, который покажется некоторым из вас несколько абстрактным. Однако в ближайшие дни мы увидим, что этот фундамент необходим и что без него мы лишь поверхностно могли бы приблизиться к тем высоким целям, которых стремимся достигнуть в этих четырех лекциях. Таким образом, все только что сказанное включает в себя обещание, что человек, придерживающийся того, что заключается в его мыслях, сможет отыскать интимное отношение своего бытия ко Вселенной, к Космосу.

Однако если мы пожелаем стать на такую точку зрения, то возникнет одно крупное затруднение. Я имею в виду, что возникнет большое затруднение, связанное с объективным фактическим положением вещей, а не с нашим рассмотрением. И это затруднение состоит в том, что хотя действительно верно то, что человек живет в каждой прожилке своей мысли и что поэтому, если у него есть какая-либо мысль, он должен знать ее интимнее, чем какое-либо иное представление; однако, да, именно "однако"... у большинства людей нет мыслей. И это обстоятельство обыкновенно не принимается во внимание достаточно серьезно, не продумывается достаточно основательно по той причине, что для этого требуются именно мысли. Необходимо прежде всего обратить внимание на одно обстоятельство: в самых широких областях жизни препятствием к появлению у людей мыслей является то, что для повседневного жизненного обихода людям не всегда бывает необходимо действительно доходить до мышления; вместо мыслей

они довольствуются словами. Значительная часть того, что в обыденной жизни называется "мыслить", протекает "в словах". Думают "словами". "Словами" думают больше, чем это можно себе представить. Многие желающие получить объяснение того или иного обстоятельства довольствуются тем, что им скажут какое-нибудь знакомое слово, напоминающее что-либо, и они принимают за объяснение ощущение, которое испытывают при этом слове, полагая, что у них есть "мысль".

То обстоятельство, о котором я говорю, привело в известный момент развития человеческой духовной жизни к тому, что появилось воззрение, разделяемое в настоящее время многими людьми, называющими себя мыслителями. В новом издании моей книги "Миро- и жизневоззрения XIX столетия" я попытался основательно перестроить ее, предпослав ей историю развития западной мысли, начиная с VI столетия до Рождества Христова и вплоть до XIX столетия, и присовокупив в конце к тому, что было дано в первом издании, картину, скажем так, мыслительной жизни человеческого духа вплоть до наших дней. Первоначальное содержание книги также подверглось переработке. Я попробовал показать, что мысль, собственно, появилась только в определенную историческую эпоху. Она действительно появляется примерно в VI или VIII веке до Рождества Христова. До того времени человеческие души совершенно не переживали того, что можно назвать "мыслями" в настоящем смысле слова. Что же переживали души до того времени? До того времени они переживали образы. И все переживания внешнего мира происходили в образах. Я об этом часто говорил с различных точек зрения. Переживание образов является последней фазой переживания древнего ясновидения. В дальнейшем "образ" переходит для человеческой души в "мысль".

Мое намерение состояло в том, чтобы показать этот результат духовной науки, проследившая исключительно ход развития философии. Оставаясь всецело на почве философской науки, я показываю, как в определенный момент в древней Греции появилась мысль, показываю, как она возникла, когда внезапно всплыла в человеческом душевном переживании из переживания внешнего мира, протекавшего в древние времена в образах. Затем я попытался показать, как эта мысль текла дальше у Сократа, у Платона, у Аристотеля, как она принимала различные формы, как она развивалась и в средние века привела к тому, о чем я теперь намереваюсь упомянуть.

Дальнейший ход развития мышления приводит к сомнению, что в мире вообще может действовать то, что называют "общими мыслями", "общими понятиями"; он ведет к так называемому номинализму - философскому воззрению, гласящему, что общие понятия могут быть являются только названиями, или, иначе говоря, только словами. Таким образом, относительно "общих мыслей" мы находим у философов вполне определенное воззрение, - и у многих оно сохраняется и поныне, - а именно: эти общие мысли - только слова.

Для пояснения сказанного возьмем одно легко обозримое и в то же время общее понятие - понятие "треугольника". Тот, кто подходит к нему с точки зрения номиналиста, кто не может отойти от того, что выработалось в номинализме в период между XI и XIII веками, тот говорит приблизительно следующее: "нарисуй мне треугольник". Хорошо, я нарисую ему треугольник, например, такой.

рис.

"Прекрасно, - говорит он, - это частный треугольник с острыми углами; такой треугольник бывает. Но я нарисую тебе другой". И он рисует один треугольник с прямым углом и другой, имеющий так называемый тупой угол.

рис.

Назовем первый треугольник остроугольным, второй прямоугольным, а третий тупоугольным. Тогда этот человек скажет: "Я верю тебе: существуют остроугольный, прямоугольный и тупоугольный треугольники. Но все же это не "треугольник". Треугольник вообще должен заключать в себе все, что вообще может заключать в себе треугольник. Под общую мысль о треугольнике должны подпадать и первый, и второй, и третий треугольники. Однако не может быть, чтобы треугольник остроугольный был вместе с тем прямоугольным и тупоугольным. Остроугольный является частным случаем треугольника; это не треугольник вообще. Так же и прямоугольный, и тупоугольный треугольники частные. Треугольника вообще не существует. Таким образом, треугольник вообще представляет из себя слово,

которое охватывает все особые, частные треугольники, но общего понятия треугольника не существует. Это - слово, которое охватывает отдельные вещи".

Но дело, конечно, идет дальше. Допустим, кто-нибудь скажет слово "лев". Тогда тот, кто стоит на точке зрения номинализма, скажет: "В Берлинском зверинце есть лев, в Ганновском тоже есть лев, в Мюнхенском - тоже существуют отдельные львы, но льва вообще, который имел бы общее с берлинским, ганноверским и мюнхенским, не существует. Это просто слово, которое охватывает отдельных львов. Существуют только отдельные вещи, а помимо отдельных вещей, - это говорит номиналист, - нет ничего, кроме слов, которые охватывают отдельные вещи".

Такое воззрение, как было сказано, возникло в свое время. Но его и ныне еще исповедуют некоторые остроумные логические мыслители. Кто хоть немного поразмыслит над этим, тот, в сущности, тоже должен будет признать, что в этом все же есть что-то странное; так просто, без рассуждений я не могу разобраться, существует ли этот "лев вообще" или этот "треугольник вообще", потому что я этого хорошенько не вижу. И если бы кто-нибудь пришел и сказал: "Видишь ли, милый друг, я не могу согласиться с тем, что ты мне показываешь мюнхенских, ганноверских или берлинских львов. Если ты утверждаешь, что существует лев "вообще", то ты должен меня отвести куда-нибудь, где существуют львы "вообще". Если же ты показываешь мюнхенского, ганноверского и берлинского львов, то этим ты не доказываешь, что имеются "львы вообще", - и представь бы необходимым показать ему "льва вообще", то можно было бы прийти в смущение. Нелегко ответить на вопрос, куда надо отвести человека, чтобы показать ему "льва вообще".

Мы не будем теперь обращаться к тому, что нам дает духовная наука; к этому мы еще подойдем. Пока же давайте останемся на мышлении, на том, что может быть достигнуто мышлением. Но тогда мы должны сказать себе: если мы хотим оставаться на этой почве, то из того, чтобы повести какого-нибудь сомневающегося человека ко "льву вообще", ничего не выйдет. Из этого, действительно, ничего не выйдет. Здесь встречается затруднение, которое нужно просто признать. Иначе, не желая признавать этой трудности на почве обыкновенного мышления, не стоит вникать в трудности человеческого мышления вообще.

Вернемся к треугольнику, потому что в конце концов в нем безразлично, уясним ли мы это себе на треугольнике, на льве или на чем-либо другом. Вначале представляется безнадёжным, чтобы можно было изобразить "треугольник вообще", который заключал бы в себе все свойства, все треугольники. Однако ввиду того, что это не только представляется безнадёжным, но и действительно безнадёжно для обыкновенного человеческого мышления, вся внешняя философия стоит тут погранично у своего предела; она должна была бы сделать откровенное признание, что как внешняя философия она стоит у своего предела. Но этот предел - предел именно для внешней философии. Через него все же представляется возможным переступить, и с этой возможностью мы теперь и познакомимся.

Представим себе, что мы не просто так рисуем треугольник и говорим: "Я нарисовал треугольник; вот он". Ведь всегда можно возразить, что это именно остроугольный треугольник; это не треугольник вообще. Однако треугольник можно нарисовать и иначе. Собственно, нарисовать нельзя. Но мы сейчас увидим, как эти "можно" и "нельзя" относятся друг к другу.

Допустим, мы рисуем треугольник и даем каждой из его отдельных сторон двигаться в любом направлении, как она захочет. При этом пусть они движутся с разной скоростью (Рудольф Штайнер говорит это, делая рисунок на доске).

рис.

Одна сторона движется так, что в следующее мгновение занимает это положение, а другая - так, что в следующее мгновение занимает то. Одна движется гораздо медленнее, другая быстрее и так далее. Потом направление изменяется на обратное.

Короче говоря, мы включаемся в неудобное представление и говорим следующее: "Я не только нарисую треугольник и оставлю его в таком виде, но я поставлю твоему представлению определенные требования. Ты еще должен представить, что стороны треугольника находятся в непрерывном движении. Если же они находятся в движении, то в зависимости от характера движения могут возникать одновременно прямоугольный и тупоугольный треугольники или любые

иные".

Двойное можно сделать, а также потребовать на этой почве. Во-первых, можно потребовать, чтобы было достигнуто известное удобство, а именно: чтобы когда кто-нибудь нарисует треугольник, и он будет готов, и будет известно, как он выглядит, то можно было бы успокоиться в своих мыслях, потому что наконец-то то, что было желательным иметь. Можно, однако, поступить и иначе: одновременно рассматривать треугольник как исходный пункт и дать каждой стороне двигаться с различной скоростью и в разных направлениях. В последнем случае нет того удобства, которое мы имели бы в первом случае, и в своих мыслях мы принуждены выполнять известные движения. Но зато при этом мы действительно имеем общую мысль "треугольника", которую нельзя достигнуть, ограничиваясь только одним треугольником. Общая мысль "треугольника" будет наконец, если держать мысль в непрерывном движении, если мысль подвижна.

Поскольку философы не делают этого, - не приводят мысль в движение, как я только что изложил, - они, по необходимости, стоят у предельной черты и воспроизводят номинализм. Теперь переведем то, что я только что сказал, на знакомый нам язык.

Когда мы хотим подняться от частной мысли к общей, от нас требуется, чтобы мы привели в движение частную мысль; значит, приведенная в движение мысль является "общей мыслью", из одной формы она переливается в другую. Я говорю "форма". Если правильно мыслить, то целое движется, а все, что выступает отдельно, что происходит из движения, является замкнутой в самой себе формой. До сих пор я чертил только отдельные формы: остроугольный, прямоугольный и тупоугольный треугольники. Теперь же я нарисую нечто, - собственно не нарисую (я уже говорил об этом), но это можно себе представить, - нечто, что должно вызвать представление о том, что общая мысль находится в движении и порождает отдельные формы, приостанавливая свое движение.

И тут мы видим, что философы номинализма, которые по необходимости стоят у предельной черты, движутся в известном царстве - в царстве Духов Формы. В пределах находящегося вокруг нас царства Духов Формы господствуют формы; и в силу того, что там господствуют формы, в этом царстве находятся отдельные, сами по себе строго законченные вещи. Из этого вы можете усмотреть, что философы, которых я имею в виду, никогда не ставили себе задачи выйти из царства форм, и потому в своих общих мыслях они поистине не могут иметь ничего иного, кроме слов, одних только слов. Если бы они вышли из царства отдельных предметов, то есть форм, то они проникли бы к представлению, которое находится в непрерывном движении. Это значит, что они в своем мышлении поставили бы перед собой царство Духов Движения - царство ближайшей высшей Иерархии. Но до этого большинство философов не снисходят. А когда однажды в последнюю эпоху развития западной мысли один человек стал мыслить именно в этом духе, он оказался мало понятным, хотя про него много говорят и выдумывают.

Возьмем то, о чем писал Гете в "Метаморфозе растений", то, что он назвал "пра-растением"; затем возьмем то, что он назвал "пра-животным", и мы увидим, что с понятиями пра-растения, пра-животного можно совладать только в том случае, если мыслить их в подвижном состоянии. Допустив эту подвижность, о которой говорит сам Гете, получишь не законченное и ограниченное в своих формах понятие, а такое, которое живет в этих формах, проникает собою все развитие животного или растительного царства, и которое при этом проникновении меняется точно так же, как меняется треугольник, переходя в остроугольный или тупоугольный, и может быть то "волком", то "львом", то "жуком" в зависимости от того, как строится эта подвижность, благодаря которой свойства вещей при прохождении через частные проявления меняются. Гете привел застывшие понятия форм в движение. Это было его великим, центральным деянием. Это было самое значительное из того, что он ввел в естествознание своего времени.

На этом примере вы видите, что то, что мы называем духовной наукой, действительно способно освободить людей от того, чего они в настоящее время должны придерживаться, даже если они являются философами. Потому что без приобретения с помощью духовной науки понятий совершенно невозможно, при желании быть честным, признавать что-либо иное кроме того, что общие мысли - это просто слова. Вот почему я сказал: у большинства людей нет мыслей. И если им говорить о мыслях, они их отрицают.

Когда говорится людям о мыслях? Когда, например, говорится, что у животных и растений есть "групповые души". Сказать ли "общие мысли" или "групповые души" (в течение лекций мы увидим, какие существуют соотношения между теми и другими) - для мышления это одно и то же. Ведь групповую душу нельзя понять иначе, как представив ее себе в движении, в непрестанном внешнем и внутреннем движении; иначе нельзя прийти к групповой душе. Но люди не принимают этого. Поэтому-то они, отрицая "групповую душу", отрицают, следовательно, и общую мысль.

Для понимания видимого мира не нужно никаких мыслей; для этого необходимо лишь воспоминание о том, что мы видели в царстве формы. Таким образом, большинство людей знает только то, что они видели в царстве формы. При этом общие мысли остаются только словами. Потому-то я и мог сказать, что у "большинства людей нет мыслей", что общие мысли являются для них лишь словами. Но если бы между различными духами высших Иерархий не было бы также и Генія языка, обозначающего общие слова для общих понятий, то сами люди не создали бы их. Так что по-настоящему люди получают свои общие мысли прежде всего из языка и имеют не слишком много других, кроме общих, мыслей, сохранившихся в языке.

Из этого мы, однако, усматриваем, что с мышлением действительных мыслей должно быть связано нечто особенное. Что с этим должно быть связано нечто совсем своеобразное, мы можем видеть из того, насколько трудно бывает человеку достичь ясности на почве мысли. Во внешней тривиальной жизни, возможно, будет часто высказываться мнение, - когда захотят немного прихвастнуть, - будто мыслить легко. Однако это не так. Потому что действительное мышление требует очень близкого, в известном отношении бессознательного касания дыхания из царства Духов Движения. Если бы мышление было таким исключительно легким делом, то на его почве не происходило бы колоссальных ошибок и люди не мучились бы так долго со всевозможными проблемами и заблуждениями. Так, между прочим, уже больше столетия мучаются с одной мыслью, которую высказал Кант и которую я часто привожу.

Кант хотел устранить так называемое "онтологическое доказательство бытия Божия". Это онтологическое доказательство бытия Божия также относится ко времени номинализма, когда говорили, что общим понятиям соответствуют только слова и не существует ничего общего, что отвечало бы отдельным мыслям подобно тому, как отдельные мысли отвечают определенным представлениям. Это онтологическое доказательство Бога я приведу как пример того, как люди мыслят.

Оно гласит приблизительно следующее. Если допустить существование Бога, то Он должен быть самой совершенной сущностью. Если же Он самая совершенная сущность, то у него не может отсутствовать бытие, существование, потому что иначе могла бы существовать сущность еще более совершенная, которая обладала бы теми же мыслимыми качествами и которая, кроме того, существовала бы. Таким образом, сущность самую совершенную необходимо мыслить существующей. Поэтому Бога нельзя мыслить иначе как существующим, если мыслить его как сущность самую совершенную. Это значит, что из самого понятия можно вывести заключение о том, что согласно онтологическому доказательству бытия Божия Бог должен существовать.

Кант хотел опровергнуть это доказательство, стремясь показать, что нельзя вывести заключения о существовании предмета, исходя из понятия. При этом он высказал свою знаменитую фразу, которую я тоже часто привожу: "Сто действительных талеров представляют из себя не больше и не меньше, чем сто возможных талеров". Это значит: если талер содержит триста пфеннигов, то надо считать и сто возможных талеров по триста пфеннигов, и, равным образом, сто действительных талеров также по триста пфеннигов. Сто возможных талеров содержат, следовательно, столько же, сколько сто действительных талеров. Это значит, что нет никакого различия в том, думаю ли я о ста действительных талерах или о ста возможных талерах. Поэтому из одной только мысли о наиболее совершенной сущности нельзя делать вывод о ее существовании, поскольку прелегающая мысль о возможном Боге обладает теми же свойствами, что и мысль о действительном Боге.

Это представляется весьма рассудительным. И люди целое столетие мучаются над вопросом, как же обстоит дело со ста возможными и ста действительными

талерами. Встанем, однако, на наиболее близкую нам точку зрения, а именно на точку зрения практической жизни. Можно ли, исходя из этой точки зрения, утверждать, что сто действительных талеров содержат не больше, чем сто возможных талеров? Можно сказать, что сто действительных талеров содержат ровно на сто талеров больше, чем сто возможных талеров. Это ведь совершенно ясно. Ведь есть же разница, будем ли мы, с одной стороны, думать о ста возможных талерах, или, с другой стороны, будем иметь сто действительных талеров. На другой стороне будет ровно на сто талеров больше. А в большинстве случаев в жизни вопрос заключается именно в сотне действительных талеров.

Вопрос этот имеет, однако, и более глубокий аспект. Его можно поставить иначе, а именно: в чем, собственно, заключается разница между ста возможными и ста действительными талерами? Каждый, я думаю, согласится, что для того, кто может иметь сто талеров, разница между ста возможными и ста действительными талерами несомненно существует. Представьте, что вам необходимо иметь сто талеров, и кто-то предлагает вам выбор: получить от него либо сто возможных, либо сто действительных талеров. Если вы имеете возможность получить их, то разница, конечно, будет. Теперь допустим, что вы находитесь в таком положении, что в действительности не могли бы иметь этих ста талеров; тогда, весьма вероятно, вам будет в высшей степени безразлично, что кто-то не даст вам ста возможных или ста действительных талеров. Когда их нельзя иметь, тогда сто действительных талеров держат ровно столько, сколько и сто возможных талеров.

Однако, в этом есть смысл. И смысл этот заключается именно в том, что говорить о Боге так, как говорил Кант, можно было только в такое время, когда Бога больше "нельзя было иметь" при помощи человеческого душевного опыта. Когда он перестал быть достигаемым как действительность, тогда понятия возможного и действительного Бога стали настолько же одинаковыми, насколько одинаковы сто действительных и сто возможных талеров, которые нельзя иметь. Если у души нет пути к действительному Богу, то к нему, конечно, не приведет никакое - в кантовском духе - развитие мыслей.

Итак, вы видите, что дело имеет и более глубокую сторону. Я привожу это только потому, что хотел бы таким образом пояснить следующее: когда дело касается мышления, необходимо производить несколько более глубокую разведку, так как ошибки мышления проскальзывают иногда даже через самые просвещенные души, и долгое время остается невыясненным, в чем, собственно, заключается ошибочность таких мыслей, как, например, кантовской о ста возможных и ста действительных талерах. Если высказывается какая-либо мысль, проблема всегда будет состоять в том, чтобы учесть общую ситуацию, в которой эта мысль возникла.

Сначала из природы общей мысли, а затем, в особенности, из наличия такой ошибки мысли, как у Канта, я попытался показать вам, что пути мышления нельзя рассматривать, не углубляясь в суть дела. Но мне хочется подойти к этому вопросу еще и с третьей стороны.

Предположим: вот здесь находится гора или холм, а здесь - крутой склон. С этого крутого склона бьет источник; он падает весело по склону, как настоящий водопад. На другой стороне тоже источник, находящийся в точно таких же условиях. Этот источник стремится к тому же, что и первый, но не делает этого. Он не может низвергаться вниз подобно водопаду, а стекает спокойно в виде ручья или речки.

рис.

Обладает ли вода второго источника иными силами, чем у первого? Совершенно очевидно, что нет. Второй источник продолжал бы то же самое, что и первый, если бы гора не создавала препятствия для него и не направляла своих сил кверху. Если бы не было этих сдерживающих сил, которые гора направляет кверху, то он низвергался бы вниз, как и первый источник. Здесь, следовательно, надо принимать во внимание две силы сдерживающую силу горы и силу тяготения земли, которая заставляет низвергаться один источник. Она, правда, точно так же действует и на второй источник, и поэтому можно сказать она здесь, я вижу, как она влечет воду вниз. Однако, если бы человек был скептиком, то он мог бы отрицать это относительно второго источника и сказать: "Тут пока еще ничего не видно, тогда как у первого источника каждую водную частицу несет вниз". Значит, к каждой отдельной частице второго потока необходимо приложить силу,

противодействующую силе земного притяжения, а именно, сдерживающую силу горы.

Допустим теперь, что кто-нибудь придет и скажет: "Я не верю тому, что ты рассказываешь о силе тяготения и о сдерживающей силе. Разве гора является причиной, что источник ибирает этот путь? Я этому не верю". Тогда его можно было бы спросить: "Чему же ты тогда веришь?" И он ответил бы: "Я думаю, что внизу имеется некоторое количество воды, выше над ним - еще некоторое количество воды, выше - снова, и так далее. Я полагаю, что воду, находящуюся внизу, толкает вниз вода, находящаяся над нею, и что эту находящуюся выше воду снова толкает вниз та, что находится еще выше. Каждая находящаяся выше масса воды постоянно толкает вниз воду, находящуюся ниже".

Разница существенная. Первый человек утверждает, что водную массу влечет вниз сила тяготения. Второй же говорит, что частицы воды постоянно толкают вниз те, которые находятся ниже, благодаря чему вода, находящаяся выше, течет вниз.

Человек, который говорил бы о таком толкании воды вниз, был бы весьма неумен, не правда ли. Допустим, однако, что дело касается не ручья или речки, а истории человечества, и охарактеризованный нами выше последний из говоривших сказал бы: "Единственное, чему я верю, это то, что мы живем в двадцатом столетии, в нем разыгрывались известные события; они вызваны событиями, имевшими место в последней трети девятнадцатого столетия; эти же последние обусловлены, в свою очередь, теми, которые имели место во второй трети девятнадцатого столетия; а эти опять-таки обусловлены теми, которые имели место в первой трети". Это называется прагматическим пониманием истории, когда говорят о причинах и их следствиях, а последующие события постоянно объясняют и исходя из соответствующих предыдущих. Подобно тому, как кто-нибудь станет отрицать силу тяготения и скажет, что что-то постоянно толкает частицы воды вниз, обстоит дело и тогда, когда кто-нибудь занимается прагматической историей и положение вещей в девятнадцатом столетии объясняет как следствие Французской революции. Мы, конечно, говорим: "Нет, там действуют еще и другие силы кроме тех, которые толкают сзади и которых по-настоящему вовсе не существует. Предшествующие события в истории человечества вызывают последующие в столь же малой степени, в какой силы горной реки действуют сзади. Из духовного мира постоянно поступают новые влияния подобно тому, как на источник постоянно воздействует сила тяготения, и они пересекаются с другими силами, как у потока сила тяготения пересекается со сдерживающей силой горы. Если бы действовала только одна сила, ты бы увидел, что историческая протекла совершенно иначе. Но ты не различаешь в ней отдельных сил. Ты не видишь того, что является физическим развитием мира, что было описано как следствие развития Солнца, Луны и Земли; и ты не видишь того, что непрерывно происходит с человеческими душами, которые проходят через духовный мир и снова нисходят на землю, того, что все снова входит в это развитие из духовных миров. Ты просто отрицаешь это!"

У нас, однако, сохраняется такое понимание истории, как у человека с только что охарактеризованными воззрениями; и оно встречается не так уж редко. В девятнадцатом столетии оно признавалось даже весьма остроумным. Что же можно сказать об этом исходя из только что высказанной точки зрения? Если бы кто-либо утверждал о горном ручье то же, что и об истории, он утверждал бы абсолютную глупость. В чем же, однако, причина, что ту же бессмыслицу он утверждает относительно истории? История так сложна, что люди не замечают, что ее почти повсюду преподносят как прагматическую историю.

Исходя из изложенного мы видим, что духовная наука, которая должна принести здоровые принципы для постижения жизни, имеет задачи в разных ее областях, и что в действительности необходимо научиться мышлению, ознакомиться с внутренними законами и импульсами мышления. Иначе с человеком могут происходить всякого рода несуразности (Grotteske). Так, например, в наше время один человек хромает и спотыкается о проблему мышления и языка. Это знаменитый критик языка Фриц Маутнер, который даже написал большой философский словарь. Толстая маутнеровская "Критика языка" в четвертом издании и таким образом стала книгой, известной среди наших современников. В ней много остроумных, но вместе с тем и ужасных вещей. Так, например, в ней можно встретить курьезную ошибку мышления; на нее натыкаешься почти в каждой пятой строке: добрый Маутнер сомневается в пользе мышления, ибо

для него "мыслить" - значит вообще только "говорить", а потому не имеет смысла заниматься логикой, достаточно заниматься только грамматикой. А кроме того он говорит: "Поскольку логики вообще не может быть, то, значит, все занимавшиеся логикой были глупцами". Прекрасно. И далее: "В обыденной жизни из заключений возникают суждения и лишь из суждений представления". Так действуют люди! К чему уж там логика, если действуют так, что из заключений возникают суждения, а из суждений представления? Это столь же остроумно, как если бы кто-либо сказал: "К чему нам ботаника? Ведь и в прошлом году, и два года назад растения все еще росли". Такую логику мы встречаем у того, кто отвергает логику. И вполне понятно, что он отвергает ее. Много еще более любопытных вещей находим мы в этой странной книге, которая по вопросу об отношении между мышлением и языком приходит не к ясности, а к конфузу.

Я сказал, что нам необходим фундамент для вещей, которые несомненно должны привести нас на высоты духовного исследования. Этот фундамент в том виде, как он в настоящее время возводится, многим может быть представляется несколько абстрактным, но он нам необходим. И я полагаю, что я все-таки попытался объяснить эти вещи настолько, что стало понятно, в чем состоит дело. Особенное внимание я хотел бы обратить на то, что уже в результате этих простых рассмотрений можно получить понятие о том, где проходит граница между царством Духов Формы и царством Духов Движения. Приобретение такого понятия тесно связано с тем, вправе ли мы вообще допускать "общие" мысли или же мы вправе допускать только представления или понятия об отдельных вещах? Я говорю категорически: "Вправе ли мы допускать?"

На этих предпосылках, к которым я больше ничего не прибавлю, потому что они несколько абстрактны, мы будем продолжать строить далее завтра.

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ

Берлин, 21 января 1914 г.

Занятия духовной наукой обуславливают необходимость в повседневной практической жизни в духовных упражнениях. Относительно многих подвергнутых вчера обсуждению вопросов невозможно прийти к полной ясности, не пытаюсь овладеть ими с помощью своего рода живого охвата проявлений духовной и, особенно, мыслительной жизни. Ибо почему в духовной жизни получается так, что, например, по вопросу об отношении общих понятий, треугольника "вообще" к отдельным представлениям о частных треугольниках царит неясность у людей, которые как раз профессионально размышляют над этим? Откуда берутся такие поглощающие внимание целых столетий вопросы, как приведенный нами вчера пример со ста возможными и ста действительными кантовскими талерами? В чем причина отсутствия у людей самых простых размышлений, необходимых для уяснения того, что не может быть ничего подобного прагматической историографии, в духе которой все последующее выводится из предыдущего? Отчего отсутствует здравое суждение, которое должно было бы вызывать у людей удивление тем, что в широких кругах получило распространение совершенно недопустимое воззрение на человеческую историю? Отчего происходит все это?

Это происходит от того, что даже тогда, когда это должно было бы иметь место, люди прилагают поистине слишком мало труда, чтобы научиться правильному руководству своей духовной жизнью. Ведь в наше время каждый человек правомерно притязает по меньшей мере на то, чтобы сказать: "Думать - ну, это же само собой разумеется, это так просто". И начинают ответственно думать.

В мире много мировоззрений. Много, очень много философов жили на свете. Один говорил одно, другой - другое, и все были в известном отношении остроумные люди, которые сумели обратить внимание на многие вещи. На противоречия же, встречающиеся у них, люди не реагируют, не задумываются над ними. Напротив, еще больше гордятся, что умеют "мыслить". Можно размышлять над тем, о чем люди думали раньше, и быть уверенным, что сам-то ты сможешь найти истину. Ведь нынче нельзя преклоняться перед авторитетами! Это противоречит достоинству человеческой природы! Надо думать самому!

В области мышления люди, безусловно, придерживаются этих взглядов. Я не знаю, приходит ли им в голову, что во всех других областях жизни они поступают иначе. Так, например, никто не думает, что увлекается верой в авторитет или желанием подчиняться авторитетам, когда заказывает себе сюртук у портного или

сапоги у сапожника. Он не говорит, что заказывать вещи у людей, о которых известно, что они умеют делать эти вещи, ниже человеческого достоинства. И даже, возможно, признает, что этому необходимо учиться. В вопросах же мышления в практической жизни люди не допускают, что мировоззрения также необходимо получать оттуда, где люди учились мышлению и многому другому. В настоящее время это действительно допускается лишь в очень немногих случаях.

Это то, что владеет нашей жизнью в самых широких кругах и поистине способствует тому, что человеческая мысль не является слишком распространенным продуктом в наше время. Я думаю, что и этому можно было бы найти объяснение. Так, допустим, что в один прекрасный день все люди сказали бы: "Учиться делать сапоги уже давно не является делом, достойным человека; нам всем случается делать сапоги"; я не знаю, получились ли бы при этом одни только хорошие сапоги. Но во всяком случае большинство людей нашего времени исходит из такого отношения к формированию мировоззренчески правильных мыслей.

Это одно из обстоятельств, указывающее на более глубокое значение положения, высказанного мною вчера: хотя мысль и является тем, в чем человек находится, так сказать, целиком внутри, и поэтому он может обзирать ее в своем внутреннем бытии, однако мысль далеко не столь распространенное явление, как хотелось бы думать. Правда, к этому в наше время присоединяется еще одна совершенно особенная претензия, которая постепенно могла бы привести к тому, что всякая ясность относительно мышления была бы вообще затемнена. И этим нам также необходимо заняться. Необходимо хотя бы бросить взгляд в эту сторону.

Возьмем, например, следующее. В Гёрлице был сапожник по имени Яков Беме. Этот сапожник выучился сапожному ремеслу: выучился хорошо вырезать подошвы, придавать сапогу форму по колодке, вбивать гвозди в каблуки и в кожу и так далее. Все это он хорошо знал и умел делать основательно. Но, представим себе, что этот сапожник, которого зовут Яков Беме, пришел бы и сказал: "А теперь я посмотрю, как образован мир. Я думаю, что в основе мира лежит большая колодка. Однажды на эту колодку была натянута мировая кожа. Затем были взяты мировые гвозди, и при помощи мировых гвоздей мировая подошва была соединена с мировым кожаным верхом. Затем была взята мировая вакса, и ею был начищен весь мировой сапог. Так я объясняю, почему утром делается светло: это блестит мировая вакса. А когда вечером мировая вакса от чего-либо тускнеет, тогда она уже не блестит. Поэтому я предполагаю, что ночью кто-то снова чистит мировой сапог. И таким образом возникает разница между днем и ночью".

Допустим, что это говорил Яков Беме. Вы смеетесь, потому что, конечно же, Яков Беме этого не говорил. Наоборот, он делал для гёрлицких горожан приличные сапоги, пользуясь для этого своим сапожным искусством. Но он развил также и свои грандиозные мысли, при помощи которых хотел выстроить некое мировоззрение. Только он взялся за дело иначе. Он сказал себе: "Тут недостаточно моих мыслей сапожных дел мастера, потому что, желая мыслить о мире, я не вправе приминять к мирозданию мысли, согласно которым делаю людям сапоги". Тогда он пришел к своим возвышенным мыслям о мире.

Значит, Якова Беме, которого я гипотетически сконструировал, в Гёрлице не было, а был другой, который знал, как следует поступать.

Однако такие гипотетические Яковы Беме, как тот, над которым вы смеялись, существуют в настоящее время повсюду. Мы видим, например, физиков, химиков; они изучали законы, по которым происходит соединение и разъединение вещества. Видим зоологов, которые учились исследовать и описывать животных; медиков, которые изучали, как надлежит лечить физическое тело человека и то, что они называют "душой". Но что они все делают? Они говорят: если ищешь мировоззрение, то надо брать законы, которым учит химия, физика или физиология, - других не может быть, - и с их помощью конструировать мировоззрение. Эти люди поступают совершенно так же, как поступил бы только что гипотетически сконструированный сапожных дел мастер, создавая мировой сапог. Только они не замечают, что с точки зрения метода они творят мировоззрения так же, как и гипотетический мировой сапог. Конечно, это несколько преувеличено - объяснять разницу между днем и ночью износом сапожной кожи и ее натиранием ваксой. Однако с точки зрения настоящей логики это в принципе совершенно то же самое, что и конструирование понятия о мироздании с помощью законов химии, физики, биологии и физиологии. Это тот же самый принцип! Это - чудовищное самомнение физика, химика,

физиолога, биолога, которые не хотят быть ни чем иным, кроме как физиком, химиком, физиологом, биологом, и все же хотят судить обо всем мире.

Дело всегда заключается в том, чтобы вникать в суть вещей и не пренебрегать некоторым высвечиванием их посредством сведения того, что не столь пронизуемо для взгляда, к его истинной формуле. То есть глядя на все это с позиции метода и логики, не приходится удивляться, что при большом количестве современных попыток построения мировоззрения из них не выходит ничего, кроме "мирового сапога". В этом заключено нечто, что может указать на необходимость обращения к духовной науке и к практическим мыслительным упражнениям, чтобы видеть, когда совершаются отступления от действительности.

Мне хотелось бы привести еще пример, чтобы показать, где находятся корни бесчисленных ошибок в области мировоззрений. Разве, занимаясь различными мировоззрениями, не приходишь к одному и тому же впечатлению, что один утверждает одно, другой - другое; что один защищает иногда с достаточно основаниями (потому что "основания" можно найти для всего) одно, другой со столь же достаточными основаниями защищает другое; что один опровергает что-либо столь же хорошо, как другой с такими же основаниями опровергает другое? Приверженность чему-либо возникает не вследствие того, что тот или иной человек бывает надлежащим образом убежден тем, чему учат в том или ином месте. Возьмите для примера хотя бы те пути, которыми должны идти ученики великих людей, чтобы примкнуть к тому или иному великому человеку, и вы увидите, что хотя для нас в этом заключается нечто кармически важное, тем не менее относительно воззрений, существующих в настоящее время во внешнем мире, необходимо сказать: станет ли тот или иной человек последователем Бергсона или Геккеля, или кого-либо иного, зависит в конечном счете (ведь карму современное внешнее мировоззрение, как известно, не признает) не от глубочайшего убеждения в том, к чему человек привержен, а от иных вещей.

Вчера я говорил о номиналистах - людях, которые утверждали, что общие понятия вообще не имеют реальности, что это просто названия. Но у номиналистов были противники. В то время противников номиналистов называли реалистами (слово это имело тогда иное значение, чем теперь). Реалисты утверждали, что общие понятия не являются только словами, что они относятся к совершенно определенной реальности. В средние века вопрос "реализм или номинализм?" был особенно жгучим для теологов в области, которая в настоящее время весьма мало занимает мыслителей. Потому что в то время, с XI по XIII столетие, когда возник вопрос "номинализм или реализм?", важнейшим вопросом исповедания был вопрос о "трех лицах", - Отце, Сыне и Духе Святом, - которые составляют единую Божественную Сущность, оставаясь вместе с тем ее тремя истинными лицами. Номиналисты утверждали, что эти три лика Божества существуют только в отдельности: "Отец" сам по себе, "Сын" сам по себе и "Дух" сам по себе, и что когда говорится о едином Боге, охватывающем всех троих, то это только имя для троих. Таким образом, номинализм утратил единство в Троице. В противоположность реалистам номиналисты объявляли единую сущность не только логически абсурдной, но даже считали ересью то, что утверждали реалисты, а именно, что три лица Троицы должны были бы составлять не просто мыслимую, но и реальную единую сущность.

Таким образом, номинализм и реализм составляли противоположность. В самом деле, если углубиться в литературу, порожденную в те столетия номинализмом и реализмом, то получишь глубокое представление о возможностях человеческого остроумия, потому что самые остроумные доводы приводились в пользу как номинализма, так и реализма. А развить такое мышление человеку было тогда трудно, потому что книгопечатания еще не существовало, и подготовиться к участию в диспутах, какие, к примеру, велись между номиналистами и реалистами, было нелегко, так что принимавший в них участие должен был быть гораздо лучше подготовленным в духе того времени, чем современные люди, принимающие участие в диспутах. Невероятное количество остроумия пускалось в ход для защиты реализма, и такое же количество остроумия пускалось в ход для защиты номинализма. Чем это вызвано? Ведь печально, когда что-либо подобное имеет место. Потому что, вникнув глубже, можно сказать себе: какая польза тебе в том, что у тебя острый ум? Ты можешь иметь острый ум и защищать номинализм, и ты, опять-таки, можешь иметь острый ум и опровергать номинализм. Можно запутаться во всем этом остроумии! Печально, но стоит прислушаться к тому, о чем говорят

такие характеристики.

Попробуем противопоставить сказанному только что нечто такое, что будет, пожалуй, далеко не столь остроумным, как многое из высказанного в пользу номинализма или реализма, но что, однако, имеет одно преимущество перед всем этим: оно прямым путем ведет к цели, то есть указывает направление, в котором следует мыслить.

Обратитесь к тому, как образуют общие понятия, то есть каким образом связывают воедино массу отдельных явлений. На одном примере можно показать, что отдельные явления можно сочетать двояким способом.

Человек может, например, наблюдать в течение своей жизни различных зверьков, шелковистых или шерстистых, с различной окраской, но у которых растут усы, которые время от времени предаются своеобразному занятию, напоминающему человеческое умывание, которые едят мышей и так далее. Наблюдаемых существ можно назвать "кошками". Так образовано общее понятие кошки. Все существа, которые так выглядят, имеют нечто общее с тем, что называется "кошкой".

Предположим, однако, что происходит следующее. Человек прожил долгую жизнь, в которой он сталкивался с многочисленными владельцами и владелицами кошек, и при этом оказывалось, что многие из них называли своих кошек "Муфти". И так как это встречалось весьма часто, то всех этих существ, названных именем Муфти, можно объединить под общим названием "Муфти". Внешне мы получаем общее понятие "кошки" и общее понятие "Муфти". В основе общего понятия лежит один и тот же факт, и многочисленные существа подпадают в обоих случаях под общее понятие. И все же никто не станет утверждать, будто общее понятие "Муфти" имеет значение, равное общему понятию "кошки". Тут вы реально имеете настоящее различие. Образуя общее понятие "Муфти", которое будет только обобщением имен, считающихся именами собственными, движутся по линии номинализма и притом с полным основанием. А образуя общее понятие "кошки", движутся по линии реализма и тоже с полным основанием. В одном случае правилен номинализм, в другом - реализм. Оба правильны. Надо только применять их в надлежащих пределах. И если оба правильны, то нет ничего удивительного, что можно привести достаточные основания для одного или для другого. Я привел, правда, несколько затейливый пример с именем "Муфти". Но могу привести пример гораздо более важный и именно это хочу теперь сделать.

В сфере нашего внешнего опыта есть целая область, в которой номинализм, то есть представление, что обобщение является только наименованием, имеет полное основание. Существует "одно", существует "два", существует "три", "четыре", "пять" и так далее. Но тот, кто улавливает суть дела, едва ли найдет в слове "число" что-либо, что обладает действительным существованием. "Число" не имеет существования. "Одно", "два", "три", "пять", "шесть" и так далее обладают существованием. Однако того, о чем я говорил вчера, а именно, что для образования общего понятия соответствующее явление надо привести в движение, нельзя сделать с понятием числа. Потому что "одно" никогда не переходит в "два"; для этого всегда необходимо прибавить единицу. Даже в мыслях "одно" никогда не переходит в "два", а "два" - в "три"! Существуют только отдельные числа, а не число вообще. В отношении того, что заключается в числах, номинализм абсолютно правилен, в отношении же того, что существует отдельно, подобно тому, как отдельный зверь существует наряду со своей породой, абсолютно правилен реализм. Ибо никоим образом не могут существовать олень и затем еще олень, и еще олень без существования породы оленей. "Два" может существовать само по себе; "один", "семь" и так далее могут существовать сами по себе. Но поскольку в числе выступает нечто действительное, постольку то, чем является (конкретное) число, представляет из себя нечто отдельное, а слово "число" не обладает никаким существованием. Существует различие между внешними вещами и их отношением к общим понятиям, и одно необходимо трактовать в духе номинализма, а другое в духе реализма. Таким путем, просто давая мыслям правильное направление, мы приходим к чему-то совершенно иному. Мы начинаем понимать, почему в мире так много мировоззренческих споров.

В общем-то люди не склонны, поняв что-либо одно, понимать еще что-либо и другое. Если кто-нибудь понял в какой-либо области, что общие понятия не обладают существованием, то он распространяет это на весь мир и его устройство.

Положение, что "общие понятия не имеют существования", не является ложным, поскольку оно правильно для той области, в которой означенное лицо производило свои наблюдения. Ложно лишь обобщение. Таким образом, если хочешь составить себе представление о мышлении вообще, то весьма важно уяснить, что если какая-либо мысль истинна в своей области, то это еще не значит, что она истинна вообще. Мысль может быть безусловно верной в своей области, но из этого не вытекает ее значение этой мысли. Пусть мне докажут то или иное, и пусть мне это докажут как нельзя лучше; все же доказанное таким образом нельзя применить в области, к которой оно не относится. Поэтому необходимо, чтобы тот, кто серьезно хочет обратиться к поиску путей, ведущих к какому-либо мировоззрению, понял бы прежде всего, что односторонность является величайшим врагом всех мировоззрений и что прежде всего необходимо избегать именно односторонности. Мы должны избегать односторонности! Это то, на что мне хотелось бы обратить сегодня особенное внимание.

Теперь посмотрим на то, что в частности найдет свое объяснение в последующих лекциях, так что сначала - общий обзор.

Могут существовать люди, которым в силу их задатков совершенно невозможно найти путь к духу. Таким людям трудно будет когда-либо "доказать" духовное. Они будут продолжать стоять на том, о чем они кое-что знают и о чем они предрасположены кое-что знать в силу присущих им качеств; они будут продолжать стоять, скажем, на том, что производит на них самое грубое впечатление, а именно на материальном. Такой человек - материалист, а его мировоззрение - материализм. Не всегда следует считать глупым то, что приводится материалистами в защиту и в доказательство материализма, потому что на этом поприще написано чрезвычайно много остроумного. И то, что написано, имеет отношение прежде всего к материальной области жизни - к миру материального и его законам.

Могут быть и иные люди, которые благодаря известным внутренним свойствам с самого начала предрасположены к тому, чтобы во всем материальном видеть только откровение духовного. Они, конечно, столь же хорошо, как и материалисты знают, что внешне материальное существует, но говорят, что материальное является только откровением, проявлением лежащего в его основе духовного. Такие люди, может быть, вовсе и не интересуются материальным миром и его законами. Напрямую думая обо всем, что может дать им представление о духовном, они, может быть, живут в мире с сознанием: "Истинное, высокое, то, чем необходимо заниматься, что является действительной реальностью, - это все-таки только дух. Материя же - только один обман, только внешняя фантазмагория". Такая точка зрения была бы крайностью, но она может существовать и может привести к полному отрицанию материальной жизни. О таких людях мы должны были бы сказать: они всецело признают то, что, без сомнения, является самым реальным - дух; однако они односторонны, они отрицают значение материального мира и его законов.

Много остроумия требуется, чтобы защищать мировоззрение таких людей. Назовем их мировоззрение спиритуализмом. Можно ли сказать, что спиритуалисты правы? В отношении духа их утверждения могут дать много чрезвычайно верного, относительно же материального и его законов они, пожалуй, могут обнаружить мало такого, что имело бы какое-нибудь значение. Можно ли сказать, что материалисты правы в своих утверждениях? Да, в отношении материи и ее законов они, весьма вероятно, смогут открыть чрезвычайно полезные и ценные вещи; когда же они станут говорить о духе, то наговорят, пожалуй, только одни глупости. Таким образом, мы должны признать, что сторонники этих воззрений правы каждый в своей области.

Могут быть люди, которые скажут: "Я ничего особенного не могу знать о том, существует ли в мире истины только материя или только дух, — человеческая способность познания вообще не может распространяться на это. Ясно лишь то, что вокруг нас простирается мир, а лежит ли в основе его то, что химик, физик, если они материалисты, называют атомами материи, я этого не знаю. Я принимаю мир, который простирается вокруг меня, который я вижу, о котором я могу размышлять. Особой же склонности строить предположения о том, лежит ли в основе его дух или нет, я не имею. Я держусь того, что простирается вокруг меня". Такого человека можно назвать реалистом, а его мировоззрение - реализмом с несколько иным, чем

я употребил прежде, значением этого слова. И точно так же, как можно употребить бездну остроумия в пользу материализма, равно как и спиритуализма, как можно весьма остроумно говорить о спиритуализме и тут же - большие глупости о материи, как можно весьма остроумно говорить о материи и весьма глупо о духе, - так же точно можно приводить остроумнейшие доводы в пользу реализма, который является не спиритуализмом и не материализмом, а тем, что я только что охарактеризовал.

Но могут быть еще и иные люди, которые говорят примерно следующее: "Нас окружает материя и мир материальных явлений. Но сам по себе мир материальных явлений лишен смысла. В нем нет истинного смысла, если в нем не действует тенденция к движению вперед, если из этого мира, который простирается вокруг нас, не может родиться то, к чему человеческая душа может устремляться как к несодержащемуся в мире, который простирается вокруг нас". Согласно воззрению таких людей в мировом процессе должны присутствовать идеи и идеалы. Такие люди отдают должное реальным мировым процессам. Они не реалисты несмотря на то, что отдают должное реальной жизни, но они придерживаются того взгляда, что реальная жизнь должна быть пропитана идеями и что только тогда она получает смысл. Под наплывом такого настроения Фихте однажды сказал: "Весь мир, простирающийся вокруг нас, является наглядным материалом для исполнения долга".

Представителей такого мировоззрения, которое полагает, что все является лишь орудием для идей, понижающих мировой процесс, можно назвать идеалистами, а их мировоззрение - идеализмом. Много прекрасного, великого и величественного выдвинуто в защиту идеализма. И в области, которую я только что охарактеризовал и в которой задача состоит в том, чтобы показать, что мир был бы лишен цели и смысла, если бы идеи были только произведениями человеческой фантазии и не были бы действительно укоренены в мировом процессе, в этой области идеализм вполне обоснован. Однако с помощью этого идеализма нельзя объяснить, например, внешнюю действительность, внешнюю реальность реалиста. Поэтому от остальных мировоззрений необходимо отличать мировоззрение, которое может быть названо идеализмом.

схема

Теперь мы имеем уже четыре правомерных, стоящих одно возле другого мировоззрения, каждое из которых имеет значение в своей особой области. Но между материализмом и идеализмом есть некоторый переход. Совершенно грубый материализм (его можно особенно наблюдать в наше время, хотя он сейчас и идет на убыль) будет состоять в том, чтобы

развить до последнего предела кантовское изречение о том, что в отдельных науках содержится столько научности, сколько в них есть математики. Сам Кант этого не делал! Следовательно, из материалиста можно превратиться в счетовода Вселенной, если не признавать ничего кроме мира, наполненного материальными атомами. Атомы сталкиваются друг с другом, вращаются, а люди вычисляют, как вращаются атомы. Отсюда получаются прекрасные результаты, что может свидетельствовать о том, что это мировоззрение имеет свое полное оправдание. Таким образом получается, например, число колебаний для синего, красного и так далее цветов спектра; при этом весь мир представляется в виде своего рода механического аппарата, и его можно в тонкостях исчислить. Правда, все это может несколько сбить с толку. Можно, например, сказать: пусть у нас будет еще более сложная машина, но все же даже если она будет обладать очень сложным движением, из этой машины никогда не выйдет ничего такого, что ощущается как синее, красное и так далее. Следовательно, если мозг - это только сложная машина, то из него все-таки не может проистекать того, что известно как душевные переживания. Ведь тогда можно сказать, как когда-то сказал Дюбуа-Реймон: "Если объяснять мир только с математической точки зрения, то нельзя будет объяснить и простейшего ощущения; если же не ограничиваться математическим объяснением, становишься ненаучным". Грубый материалист сказал бы: я тоже не занимаюсь вычислением, потому что было бы суеверием думать, будто вещи устроены в соответствии с числом и мерой. А тот, кто возвышается над таким грубым материализмом, становится математиком и считает действительным только то, что можно свести к числовой формуле. В результате получается мировоззрение, в

которое, собственно, не допускается ничего иного, кроме математических формул. Его можно назвать математизмом.

Побыв математиком, человек может, однако, поразмыслить и сказать: "Нет никакого предрассудка в том, что синий цвет имеет столько-то и столько-то колебаний. Ведь мир все-таки устроен математически. Но если математические идеи воплощены в мире, то почему в нем не могут быть воплощены и другие идеи?" Такой человек допускает, что в мире все-таки живут идеи. Но он признает только идеи, которые он находит; не такие, которые бы он постигал изнутри, положим, благодаря какой-либо интуиции или инспирации, а только те, которые он считает с внешних чувственно-реальных вещей. Такой человек является рационалистом, а его мировоззрение - рационализмом.

Если же наряду с идеями, которые находят, считаются еще и с теми, которые получают из области морали, из интеллекта, тогда являются уже идеалистами. Таков путь от грубого материализма через математизм и рационализм к идеализму.

схема

Но идеализм может быть повышен. В наше время встречаются люди, которые пытаются повысить идеализм. Ведь идеи они находят в мире. Если же идеи находят, то в мире должен существовать и род существ, в которых они могли бы жить. Ведь идеи не могли бы жить просто так в каком-либо внешнем предмете. Идеи также не могут висеть в воздухе. Правда в XIX столетии считали, что идеи правят историей. Но тут была лишь некоторая неясность, потому что как таковые идеи не обладают силой воздействия. Поэтому нельзя говорить об идеях в истории. Тот, кто поймет, что идеи, если они вообще должны иметь место, связаны с существом, которое может их иметь, тот уже не является простым идеалистом; он идет к допущению того, что идеи связаны с существом. Он становится психистом, а мировоззрение его является психизмом. Однако психист, который, в свою очередь, может выдвинуть чрезвычайно много остроумного в защиту своего мировоззрения, приходит к этому мировоззрению тоже только благодаря односторонности, которую он при случае может заметить.

Здесь я должен сказать следующее. У всех мировоззрений, помещенных выше горизонтальной черты, есть свои приверженцы, но эти приверженцы в большинстве случаев являются упрямыми головами, которые принимают то или иное мировоззрение благодаря имеющимся у них тем или иным основным внутренним предпосылкам и остаются при нем. Все лежащее ниже этой черты имеет сторонников, которым в большей степени доступно понимание того, что отдельные мировоззрения смотрят на вещи всегда только с одной определенной точки зрения, и которые поэтому с большей легкостью могут переходить от одного мировоззрения к другому.

Если кто-нибудь является психистом и, будучи человеком познания, склонен рассматривать мир созерцательно, то он должен сказать себе, что в мире необходимо предполагать психическое начало. Если же он представляет из себя не только человека познания, но и человека, обладающего в той же степени симпатией ко всему активному, деятельному, волевому в человеческой природе, то он говорит себе: "Недостаточно того, что есть существа, у которых могут быть только идеи; эти существа должны иметь также нечто активное, должны быть в состоянии Действовать". Этого, однако, нельзя представить себе, не мысля эти существа существами индивидуальными. Иначе говоря, такой человек восходит от признания одушевленности мира к признанию духа или духов в мире. Ему еще не ясно, должен ли он признавать одного или многих духовных существ, но он выходит от психизма к пневматизму, учению о духе.

Если кто-либо действительно стал пневматистом, то вполне может статься, что он заметит то же, что я сегодня говорил о числе, а именно, что относительно чисел в действительности едва ли можно говорить об "общем" (Einheit). Он должен будет сказать: "Тут было бы ошибкой говорить о едином духе, о единой пневме". И тогда он постепенно придет к возможности приобретения представления о духах различных Иерархий. Тогда он становится спиритуалистом в истинном смысле слова, так что здесь мы имеем непосредственный переход от пневматизма к спиритуализму.

схема

То, что я изобразил на доске, суть мировоззрения, имеющие достаточные

основания каждое в своей области. Потому что есть области, которые объясняет психизм, есть области, которые объясняет пневматизм. Конечно, когда стремишься к такой основательности в объяснении Вселенной, как мы это пытались делать, то надо прийти к спиритуализму, допустить существование духовных Иерархий. Тогда нельзя останавливаться на пневматизме, поскольку в данном случае это означало бы следующее. Если мы - спиритуалисты, то может случиться, что люди скажут: "К чему это столько духов? Зачем исчислять их? Есть единый всеобщий дух!" Тот, кто видит вещи глубже, знает, что это такой же довод, как если бы кто-нибудь сказал: "Вот ты говоришь, что здесь носится двести комаров; я не вижу двухсот комаров, а вижу один единственный комариный рой". Советованно так же держал бы себя приверженец пневматизма, пантеизма и так далее относительно спиритуалиста. Спиритуалист видит Вселенную наполненную духовными Иерархиями; пневматист же видит только один сонм, видит только единый всеобъемлющий дух. Но это покоится лишь на неточном видении. Однако есть еще возможность прийти к убеждению в действительности духовных существ иными, а не теми, которыми мы пробовали идти, путями, что тем не менее приведет к признанию неких основных духовных сущностей во Вселенной. Таким путем шел, например, Лейбниц, знаменитый немецкий философ. Лейбниц стоял выше того предрассудка, будто что-либо в мире может существовать только материальным образом. Он искал и находил реальное. Подробнее я описал это в моей книге "Загадки философии". Он придерживался того взгляда, что есть существо, которое может вести существование замкнутое в себе самом, например, человеческая душа. Правда, дальнейших понятий на этот счет он не развивал. Он говорил только, что есть такое существо, которое может вести существование в себе самом, которое выводит свои представления из самого себя. Для Лейбница это монада. И он говорил, что должно существовать много таких монад, и притом монад различной степени ясности сознания. Имея, например, колокол, я имею в нем много монад, - как в комарином рое, — но монад, которые не доходят даже до состояния сознания, какое бывает во сне, монад, которые почти бессознательны, и тем не менее развивают в себе самые смутные представления. Есть монады, которые грезят, есть монады, которые развивают в себе бодрственные представления; короче, монады самых различных степеней.

Такой человек не доходит до того, чтобы представлять себе отдельные духовные существа в их конкретности, как это делает спиритуалист; он ориентируется на духовное в мире, оставляя его неопределенным. Он называет его монадой, то есть он интересуется только характером представлений, как бы говоря: "Да, дух, духи существуют в мире, но я описываю их только как существ, имеющих представления различного рода. Я абстрагирую их свойства. Так я вырабатываю это одностороннее мировоззрение (в пользу которого можно высказать столько, сколько было высказано в его пользу остроумным Лейбницем). Так я вырабатываю монадизм". Монадизм - это абстрактный спиритуализм.

Однако бывают люди, которые не могут возвыситься до монады, не могут допустить, что то, что существует, — есть существа, обладающие различной степенью способности представления, но которые вместе с тем не удовлетворяются и признанием всего, что простирается во внешней реальности, а считают, что все простирающееся во внешней реальности находится во власти "сил". Если, например, камень падает на землю, они говорят: "это сила притяжения". Если магнит притягивает железо, они говорят: "это сила магнетизма". Им недостаточно просто сказать: "это магнит", они говорят: "магнит предполагает, что существует простертая всюду, сверхчувственная, невидимая сила магнетизма". Можно развить такое мировоззрение, которое будет постоянно подыскивать силы ко всему, что происходит в мире. Это мировоззрение можно назвать динамизмом.

Далее можно сказать: "Нет, верить в силы - предрассудок". Пример подробного обоснования того, что вера в силы является предрассудком, мы имеем в "Критике языка" Фрица Маутнера. В этом случае останавливаются на том, что реально простерто вокруг нас. На этом пути мы приходим от спиритуализма через монадизм и динамизм снова к реализму.

схема

Но тут возможно и нечто иное. Можно сказать: "Конечно, я держусь мира, который меня окружает, но я не утверждаю, будто я вправе считать этот мир действительным миром. Я могу сказать о нем только то, что он является мне. И

вообще у меня нет права говорить больше того, что мир является мне. У меня нет права говорить о нем что-либо сверх этого".

В этом - разница. О мире, который простирается вокруг нас, можно сказать: "он - реален", но можно сказать: "Я не могу говорить об ином мире, мне только ясно, что есть мир, который явлен мне. Я не говорю, что мир цвета и звука, возникающий только благодаря тому, что у меня в глазу происходят некоторые процессы, которые являются мне в виде цвета, и что в ухе происходят процессы, которые являются мне в виде звука, - я не говорю, что этот мир истинный. Это - мир феноменов". Феноменализм - это мировоззрение, о котором здесь шла бы речь.

Однако можно пойти дальше и сказать следующее: "Вокруг нас действительно лежит мир феноменов. Но все, что, как мы думаем, заключено в этих феноменах, привнося между тем это в них, примысливая это к ним, - ведь все это именно мы мысленно присоединили к феноменам. А правомерно лишь то, что нам говорят наши внешние чувства". Заметьте, человек, который говорит это, не является последователем феноменализма. Он отделяет от феномена то, что по его мнению идет только от рассудка и разума, и признает за воззрение о реальности то, что в качестве впечатлений приносят внешние чувства. Это мировоззрение можно назвать сенсуализмом.

схема

Когда же говорят: "что бы вы ни думали о том, что говорят чувства, и какие бы остроумные доводы вы ни приводили (в пользу этого можно привести весьма остроумные доводы), я стою на той точке зрения, что существует только то, что выглядит так, как то, что говорят внешние чувства; я считаю это материальным", - как атомист, который говорит: "я считаю, что существуют только атомы, и как бы они ни были малы, они обладают свойствами, известными нам по физическому миру", - тогда перед нами снова материалист. Следовательно, иным путем мы снова достигли материализма.

Набросанное мною на доске и охарактеризованное в качестве мировоззрений существует реально и может быть отстаиваемо. В пользу каждого отдельно взятого мировоззрения можно выдвигать самые остроумные доводы, можно занимать позицию каждого из этих мировоззрений и с помощью остроумных доводов опровергать другие мировоззрения. Можно придумать и другие, промежуточные мировоззрения, но они будут отличаться от приведенных только в степени и могут быть сведены к основным типам. Если хочешь получить представление о ткани мира, то надо знать, что это можно сделать, пройдя через эти двенадцать входных врат. Существует не одно мировоззрение, которое можно было бы защищать, которое было бы правомерно; существует двенадцать мировоззрений. И необходимо понять: сколько достаточных оснований может быть выдвинуто в пользу одного мировоззрения, столько же их может быть выдвинуто в пользу любого из двенадцати мировоззрений. Мир нельзя рассматривать с одной стороны как-либо мировоззрения, какой-либо одной мысли; наоборот, мир раскрывается только тому, кто знает, что его необходимо обойти со всех сторон. Как Солнце, - даже если мы возьмем за основу коперниканское мировоззрение, - проходит через знаки Зодиака, чтобы освещать Землю с двенадцати различных пунктов, так надо становиться не на какую-либо одну точку зрения, - точку зрения идеализма, сенсуализма, феноменализма или иного мировоззрения с тем или иным названием, - а надо уметь обойти мир вокруг и вжиться в те двенадцать различных точек зрения, с которых можно рассматривать мир. Мыслительно все двенадцать различных точек зрения вполне правомерны. И не одно, а двенадцать равноправных мировоззрений, - равноправных постольку, поскольку для каждого из них можно найти одинаково достаточные с точки зрения мышления основания, - существуют для мыслителя, желающего проникнуть в природу мышления.

С точки зрения, полученной нами теперь, мы продолжим разговор завтра, чтобы от рассмотрения человеческого мышления подняться до рассмотрения Космоса.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

Берлин, 22 января 1914 г

Вчера я попытался обрисовать все возможные для человека нюансы мировоззрений, возможные в том смысле, что в отношении каждого из них могут быть представлены достаточно веские основания их правильности, истинности в

определенной области. Человеку, который не склонен все, что он наблюдает, все, что он в состоянии осмыслить в определенной узко ограниченной области, сводить в единую систему понятий и затем подыскивать для них соответствующие доказательства, к которому, напротив, свойственно стремиться к действительному проникновению в истину, - такому человеку важно знать, что эта всесторонность необходима и что она выражается в том, что для человеческого духа действительно возможны двенадцать типичных нюансов мировоззрений (дело сейчас не в перекрестках между ними). Если человек действительно хочет прийти к истине, то надо пытаться выяснить значение этих нюансов мировоззрений, надо пытаться понять, к какой области бытия дает ключ тот или иной из них.

Если мы проведем перед своим взором еще раз, как вчера, эти двенадцать мировоззрений, то это будут материализм, сенсуализм, феноменализм, реализм, динамизм, монадизм, спиритуализм, пневматизм, психизм, идеализм, рационализм и математизм. Но только, к сожалению, в действительном мире человеческого стремления к исследованию истины дело обстоит так, что у отдельных умов, у отдельных лиц всегда преобладает склонность к тому или иному из этих нюансов мировоззрений, и из-за этого односторонности различных мировоззрений опять-таки оказывают влияние на людей в различные исторические эпохи. То, что я выдвинул как двенадцать основных мировоззрений, нужно представлять себе таким образом, что одно мировоззрение всегда ставится рядом с другим, как бы по кругу, и рассматривается в состоянии покоя. Их можно встретить, их необходимо различать. Они проявляют себя как духовное отображение хорошо известного нам зодиакального круга. Подобно тому, как Солнце зримо проходит через зодиакальный круг и как другие планеты проходят через круг Зодиака, так и человеческой душе предоставляется возможность пройти через духовный круг, который содержит двенадцать мировоззренческих знаков. Особенности этих мировоззренческих знаков можно даже представить в связи с отдельными знаками Зодиака. Причем их связь с Зодиаком вовсе не является чем-то произвольным: между отдельными знаками Зодиака и Землей действительно существует такое же отношение, как и между этими двенадцатью мировоззрениями и человеческой душой. Это подразумевает следующее.

Поначалу мы не можем говорить о том, что существует некоторое понимаемое отношение, например, между зодиакальным знаком Овна и Землей. Однако, когда Солнце, Сатурн и Меркурий стоят так, что их видно с Земли в знаке Овна, то они оказывают иное влияние, чем если бы они стояли так, что их было бы видно в знаке Льва. Таким образом, влияние, идущее к нам из Космоса от отдельных планет, различается в зависимости от того, какой знак зодиакального круга покрывают отдельные планеты. В человеческой же душе нам даже легче распознать влияние этих двенадцати знаков "духовного Зодиака". Существуют души, которые всецело склоняются к тому, чтобы все влияние на конфигурацию их внутренней жизни, их научное, философское или иное духовное развитие определять, словно давая освещать себя идеализму. Другие души дают освещать себя материализму, третьи - сенсуализму. Человек является сенсуалистом, материалистом, спиритуалистом или пневматистом не потому, что то или иное воззрение правильно и он может сознавать его правильность. Он является пневматистом, спиритуалистом, материалистом или сенсуалистом, потому что предрасположен в своей душе к тому, чтобы быть освещенным соответствующим созвездием духовного Зодиака. Стало быть, в этих двенадцати созвездиях духовного Зодиака мы имеем нечто, что поможет нам глубже вникнуть в процесс возникновения человеческих мировоззрений, понять, почему люди, с одной стороны, спорят относительно мировоззрений и почему, с другой стороны, они не должны были бы спорить, а скорее должны были бы увидеть, чем вызывается то, что они обладают разными мировоззрениями. Правда, в отдельные эпохи необходимо строго отмежеваться от того или иного мировоззрения, но на причинах этого явления мы еще остановимся в завтрашней лекции. То, о чем я говорил до сего времени, относится, следовательно, к формированию человеческого мышления духовным Космосом покоящихся как бы в нашем духовном окружении двенадцати созвездий духовного Зодиака.

Но есть еще нечто иное, что определяет человеческие мировоззрения. Вы это лучше поймете, если сначала я укажу вам на следующее.

Человек может быть настроен в душе таким образом (теперь даже безразлично, каким из двенадцати созвездий духовного Зодиака освещается его

душа), что настрой, выраженный во всей конфигурации мировоззрения этой души, можно назвать гносисом. Он может быть "гностиком". Он является гностиком, когда настроен познавать вещи в мире не посредством органов внешних чувств или чего-либо подобного, а посредством определенных, заключенных в самой душе познавательных сил. Человек может быть гностиком и может быть склонен позволять освещать себя, например, духовному созвездию Зодиака, которое мы называем спиритуализмом. Тогда в своем гносисе он сможет глубоко проникать в связи, существующие в духовных мирах.

Можно быть, например, гностиком идеализма; тогда будешь иметь особую предрасположенность ясно видеть общечеловеческие идеалы и мировые идеи. Бывает, конечно, различие между людьми в их отношении к идеализму, который они исповедуют. Один является идеалистическим мечтателем, все время твердит, что он идеалист, на языке у него все время "идеал, идеал, идеал"; но ему ведомо немного идеалов, он не обладает способностью с помощью внутреннего созерцания вызывать перед своей душой в четких контурах действительные идеалы. Такой человек отличается от другого, который не только говорит об идеалах, но умеет рисовать их в своей душе наподобие четко очерченных образов. Последний, который внутренне конкретно постигает идеализм, постигает столь же интенсивно, как хватают рукой внешние вещи, является гностиком в области идеализма. Также можно было бы сказать, что он - гностик вообще, но позволяет особенно сильно освещать себя духовному созвездию идеализма.

Существуют люди, которые позволяют особенно сильно освещать себя мировоззренческому знаку реализма и следуют через мир так, что самой своей способностью ощущать мир, противостоять миру могут сказать другим людям очень многое об этом мире. Они не идеалисты и не спиритуалисты, они обычные обыкновенные реалисты. Они способны действительно тонко ощущать то, что находится вокруг нас во внешней реальности, они весьма восприимчивы к особенностям вещей. Они гностики, настоящие гностики, но гностики реализма. Бывают на свете такие гностики реализма; а спиритуалисты или идеалисты иногда вовсе не являются гностиками реализма. Может даже случиться так, что люди, считающие себя хорошими теософами, проходят по картинной галерее и ничего не могут сказать о картинах, тогда как другие, отнюдь не теософы, а гностики реализма, могут сказать бесконечно много вследствие того, что они всей своей личностью находятся в соприкосновении с реальностью вещей. Или, например, сколь много теософов отправляются на лоно природы и при этом совсем не умеют охватить душой все возвышенное и величественное в ней. Это не гностики реализма.

Существуют гностики реализма. Существуют и гностики материализма. Это, конечно, своеобразные гностики. Но совершенно в том смысле, в каком можно быть гностиком реализма, можно быть и гностиком материализма. Это такие люди, у которых мысль, чувство и ощущение существуют только для волевого материального, которые стремятся познавать материальное через непосредственное соприкосновение, подобно тому как поступает собака, которая обнюхивает вещи, благодаря чему интимно узнает их, и которая является великолепным гностиком в отношении материальных вещей.

Можно быть гностиком во всех двенадцати мировоззрениях. Это значит, что если мы хотим правильно понять гносис, то нам следует нарисовать круг, и круг этот должен означать, что гносис может обойти все двенадцать мировоззренческих знаков. Как планета проходит через двенадцать знаков Зодиака, так гносис может проходить через все двенадцать мировоззренческих знаков.

схема

Конечно, величайшие услуги на благо души гносис может оказать тогда, когда гностическое настроение обращается к спиритуализму. Можно было бы выразиться так: гносис поитине дома в спиритуализме. В других мировоззренческих знаках он находится за пределами своего дома. С точки зрения логики неправомерно говорить, будто не может быть материалистического гносиса. Люди, педантично придерживающиеся определенных понятий и идей, легче обходятся с такими вещами, чем люди, обладающие здоровой логикой, для которых дело обстоит несколько сложнее. Например, можно было бы сказать: "Я не буду называть гносисом ничего кроме того, что проникает в "дух". Это определение произвольно. Оно столь же произвольно, как если бы кто-либо сказал: "До сего времени я видел

фиалки только в Австрии, значит, я называю фиалками только то, что растет в Австрии и имеет фиалковый цвет, а остальное - нет". С точки зрения логики столь же нелепо утверждать, будто гносис находится только в мировоззренческом знаке спиритуализма, ибо гносис - это "планета", которая проходит через все духовные созвездия.

Существует другое мировоззренческое настроение. При этом я говорю "настроение" ("Stimmung"), тогда как в других случаях говорю о "нюансах" и "знаках". В последнее время намеревались облегченным образом подойти, - но и здесь "легкое трудно", - к этому второму мировоззренческому настроению, поскольку в духовном созвездии идеализма оно представлено Гегелем. Но этот способ видения мира, это особое мировоззренческое настроение, которым обладал Гегель, вовсе не нуждается в том, чтобы, как это было у него, находиться исключительно в духовном созвездии идеализма; оно опять-таки проходит через все созвездия. Это мировоззренческое настроение логизма. Мировоззренческое настроение логизма заключается преимущественно в том, что душа может приводить себя в такое положение, когда в ней становятся действительностью реальные мысли, понятия и идеи. Такая душа переходит от одного понятия или мысли к другому, подобно тому как, рассматривая человеческий организм, переходят от глаза к носу и ко рту и видят все это во взаимной связи друг с другом, что имеет место у Гегеля, где все понятия, которые он может охватить, сочетаются в великий организм понятий. Это логический организм понятий. Гегель просто умел отыскивать и воспринимать все, что может быть найдено в мире как мысль, умел выстраивать мысль за мыслью и образовать из них организм. Это логизм! Логизм можно развивать, как Гегель, в созвездии идеализма, его можно развивать, как Фихте, в созвездии психизма, его можно развивать и в других духовных созвездиях. Логизм опять-таки представляет собой нечто подобное планете, которая проходит через созвездия Зодиака. Он проходит по кругу двенадцати созвездий духовного Зодиака.

Третье настроение души, которое творит мировоззрения, мы можем изучать, например, по Шопенгауэру. В то время как душа Гегеля, когда он смотрит на мир, настроена так, что все являющееся в мире понятием сводится к логизму, Шопенгауэр благодаря особому строю души воспринимает все, что имеет характер воли. Силы природы для Шопенгауэра - это воля, твердость камня - воля; все, что реально, есть воля. Это вытекает из особого настроения его души. Такое волевое мировоззрение, такое волевое мировоззренческое настроение можно рассматривать опять-таки в качестве планеты, которая проходит через все двенадцать созвездий духовного Зодиака. Я называю это мировоззренческое настроение волюнтаризмом. Это третье мировоззренческое настроение. Шопенгауэр был волюнтаристом, и в своей душе он был устроен преимущественно так, что отдавался воздействию духовного созвездия психизма. Так возникла своеобразная метафизика воли Шопенгауэра - волюнтаризм в духовном созвездии психизма.

Представим себе, что кто-нибудь является волюнтаристом и особенно склоняется к духовному созвездию монадизма. Он не станет, подобно Шопенгауэру, считать основой мира единую положит в основу мира много "монад", являющихся волевыми существами. Этот мир монадологического волюнтаризма самым прекрасным, остроумным и, хотелось бы сказать, задумчивым образом разработан австрийским поэтом-философом Гамерлингом. Как сложилось то своеобразное учение, которое изложено в "Атомистике воли" Гамерлинга? Благодаря тому, что его душа была настроена волюнтаристически, он отдавался преимущественно воздействию духовного созвездия монады. Если бы у нас было время, мы могли бы рассмотреть примеры каждого душевного настроения в каждом созвездии. Они содержатся в мире.

Особым душевным настроением является то, которое вовсе не питает склонности к размышлениям над вопросом о существовании позади явления чего-либо еще, как это делает настроение гностицизма или как это делают настроения логизма или волюнтаризма; оно просто говорит: "Я хочу ввести в мое мировоззрение то, что идет мне навстречу из мира, что открывается мне, что являет мне себя внешне". Это настроение волевозможно опять-таки во всех областях, то есть во всех духовных созвездиях. Так можно держаться будучи материалистом, беря только то, что предстает внешне; держаться так можно и будучи спиритуалистом. Человек не старается искать какую-либо особенную связь позади явлений, а предоставляет

вещам приближаться к себе и ждет, что из этого выйдет. Такое душевное настроение можно назвать эмпиризмом. Эмпиризм означает душевное настроение, которое принимает опыт просто таким, каким он оказывается. Эмпириком, то есть человеком опытного мировоззрения, можно быть в каждом из двенадцати духовных созвездий. Эмпиризм - это четвертое душевное настроение, которое проходит через все двенадцать духовных созвездий.

Точно так же в целях выработки мировоззрения можно рабывать такое душевное настроение, которое не будет довольствоваться тем, что дает опыт, идущий навстречу, что дает переживание, которому отдаешься, как это имеет место при эмпиризме. Можно почувствовать как внутреннюю необходимость следующее настроение души. Человек находится в мире, но он переживает в собственной душе относительно мира что-то такое, чего он не может пережить внешне. Только там мир открывает ему свои тайны. Можно смотреть по сторонам и не видеть того, что мир таит в себе. Такое душевное настроение может частенько говорить: "На что мне гнозис, который всеми силами добывается созерцаний? Ведь созерцаемые вещи вне его мира не могут раскрыть его внутренней стороны. Чем может быть мне полезен мировоззренчески логизм? В логизме не находит выражения суть мира. Какая польза от спекуляции идей? Она только отвлекает от созерцания глубин собственной души. Ведь в эти глубины взирают не тогда, когда того желает душа, а именно тогда, когда она отдает себя без участия собственной воли".

Следовательно, волюнтаризм, так же как и эмпиризм, правильное видение и слушание того, что дает опыт, дает переживание, - не то душевное настроение, в котором здесь нуждается душа. Речь идет о внутреннем искании, когда душа обретает покой, будто Бог светит в душе. Вы чувствуете, это душевное настроение может быть названо мистицизмом.

Мистиком можно быть опять-таки во всех двенадцати духовных созвездиях. Не слишком благоприятно, конечно, если человек является мистиком материализма, то есть если он внутренне переживает не духовное, спиритуальное, а материальное. Поскольку мистиком материализма является, собственно, тот, кто особенно тонко ощущает, например, такого рода состояние, в которое человек приходит, когда вкушает то или иное вещество. Есть разница, когда человек пьет сок одного растения или сок другого, выжидая, что это вызовет в организме. При этом человек срастается в своем переживании с материей, становится мистиком материи. Может даже случиться, что это превратится в жизненно важную задачу в том смысле, что человек начнет исследовать, как сок, полученный от того или иного растения, действует на организм, так как одно действует преимущественно на этот орган, другое - на тот. Быть мистиком материализма - предварительное условие для исследования целительной силы отдельных веществ. Тогда чувствуют, что вещества делают в организме.

Можно быть мистиком материального мира, а можно быть мистиком идеализма. Обыкновенный идеалист или гностичский идеалист - это не мистик идеализма. Мистик идеализма это тот, кто прежде всего в собственной душе имеет возможность извлекать из источников, сокрытых внутри, общечеловеческие идеалы, ощущать их как нечто внутренне-божественное и как таковое ставить перед душой. Мистиком идеализма является, например, Мейстер Экхарт.

Душа может быть настроена и так, что не замечает того, что поднимается внутри нее и выглядит как настоящее внутреннее разрешение мировых загадок. Она может быть настроена так, что скажет себе: "Да, что-то такое находится в мире позади идей, равно как и позади моего собственного существа, насколько я его воспринимаю. Но я не могу быть мистиком. Мистик думает, что все это вливается в его душу. Я же не чувствую, чтобы оно вливалось в мою душу. Я чувствую только, что оно должно быть там, вне меня".

При таком душевном настроении предполагается, что существо вещей находится вне нашей души и вне того, что может испытывать наша душа, но не предполагается, чтобы оно могло входить в самую душу, как полагают мистики. Когда человек предполагает, что позади всего есть еще что-то, чего нельзя воспринять, то он, - это слово подходит, пожалуй, лучше всего - трансценденталист. Он считает, что суть вещей трансцендентна, но что она не проникает в душу, как считает мистик. Значит, это - трансцендентализм. Настроение трансценденталиста таково: "Когда я воспринимаю вещи, то их существо поглощает ко мне, только само восприятие не является этим существом. Существо находится за восприятием, но

подступает к человеку".

Со всеми своими восприятиями, со всем, что является его познавательными силами, человек может отодвинуть сущность вещей еще дальше, чем это делает трансценденталист. Он может сказать: "Сущность вещей вообще недостижима для внешней силы человеческого познания". Трансценденталист говорит: "Когда ты своими глазами видишь красное или синее, тогда то, что ты видишь красным или синим не есть суть вещей; она за ними. Тебе нужно воспользоваться глазами - и ты доберешься до сути вещей. Она находится за ними". Но душевное настроение, которое я теперь имею в виду, не хочет жить в трансцендентализме, а говорит: "Можно переживать сколько угодно красного или синего, те или иные звуки, - все это не выражает сути вещей. Она скрыта за ними. Сущность вещей даже не граничит с воспринимаемым мной". Тот, кто так говорит, - говорит наподобие того, как обычно говорим мы, отставив ту точку зрения, что сущность вещей не выражается в видимости внешних чувств, в Майе. Мы были бы трансценденталистами, если бы говорили: "Вокруг нас протекает мир, и мир этот всюду возвещает о сущности (вещей)". Но мы не являемся ими, если говорим: "Этот мир - Майя, и внутреннюю сторону вещей надо искать иным образом, нежели с помощью внешнего восприятия и средств обыкновенного познания". Это - оккультизм, душевное настроение оккультизма.

И опять-таки оккультистом можно быть во всех созвездиях духовного Зодиака. Можно быть даже оккультистом материализма. Ведь все современные здравомыслящие естествоиспытатели - оккультисты материализма, ибо они говорят об атомах. Если же они не неблагоразумны, то им даже в голову не придет утверждать, будто к атому можно подойти с помощью того или иного метода. Атом остается скрытым (im Okkulten). Они толково не любят, чтобы их называли оккультистами, но они оккультисты в самом полном смысле слова.

По существу, других мировоззренческих душевных настроений, кроме семи обрисованных мной, не бывает; есть только переходы от одного к другому. Следовательно нам надо различать не только двенадцать различных нюансов мировоззрений, которые как бы в покоящемся состоянии выступают перед нами. В каждом из них возможно совершенно особое настроение человеческой души. Таким образом можно увидеть, сколь разнообразными могут быть воззрения отдельных людей. Можно особо развивать любое из этих семи мировоззренческих настроений, но каждое из них будет опять-таки односложным в том или ином нюансе. Намеченное мною здесь составляет духовный коррелят того, что во внешнем мире представлено соотношением между знаками Зодиака и планетами, о которых у нас часто шла речь в духовной науке. Таким образом, мы имеем подобную внешнему изображению картину, которую создавали не мы, но которая находится в самом Космосе, картину отношения наших семи мировоззренческих душевных настроений к двенадцати нюансам мировоззрений. И эту картину ощущаешь правильно, когда ощущаешь ее следуем образом.

Начнем с идеализма, и определим его как духовное созвездие Овна; подобным же образом обозначим рационализм Тельцом, математизм - Близнецами, материализм - Раком, сенсуализм - Львом, феноменализм - Девой, реализм - Весами, динамизм - Скорпионом, монадизм - Стрельцом, спиритуализм - Козерогом, пневматизм - Водолеем и психизм - Рыбами. Связи, существующие между отдельными знаками Зодиака в пространственно-материальной области, существуют между мировоззрениями и в области духа. Что же касается отношений, в которые отдельные обозначенные нами планеты вступают при своем кружении по зодиакальному кругу, то они соответствуют отношениям, в которые вступают семь мировоззренческих настроений, но соответствуют так, что гносис мы можем ощутить как Сатурн, логизм - как Юпитер, волюнтаризм - как Марс, эмпиризм - как Солнце, мистицизм - как Венеру, трансцендентализм - как Меркурий и оккультизм - как Луну.

схема

Вы легко обнаружите сходство даже с внешними проявлениями (планет), где они наблюдаются непосредственно, хотя это не самое главное. Главное в том, что этому параллелизму соответствуют глубочайшие связи. Луна остается оккультной, незримой, когда находится в новолунии; ей надо только получить солнечный свет подобно тому, как оккультные вещи остаются оккультными пока при помощи

медитации, концентрации и так далее духовная сила не увеличится и не осветит их. Человек, который странствует по свету и полагается только на Солнце, который воспринимает только то, что освещено Солнцем, - эмпирист. Тот же, кто еще и размышляет над тем, что освещено Солнцем, и сохраняет мысли после захода Солнца, уже не является эмпиристом, потому что уже не полагается на Солнце. Солнце - символ эмпиризма.

Я бы мог излагать далее, но у нас только четыре часа на эту важную тему и придется предоставить вам самим выяснить более конкретные связи между этими вещами посредством собственного размышления или иного исследования. Найти их будет не трудно, поскольку схема уже дана.

Правда, на свете слишком часто бывает так, что люди мало стремятся к всесторонности. В действительности же, серьезно относясь к истине, следовало бы уметь создавать в душе преобладающее двенадцати мировоззрений и переживать что-то так, как это переживает гностик, а что-то так, как это переживает логик, волюнтарист, эмпирист, мистик, трансценденталист. Ведь в сущности каждый, кто хочет проникнуть в мировые тайны в русле духовного исследования, должен был бы проделать это в качестве пробы. И пусть даже то, что находится в книге "Как достигнуть познаний высших миров?", первоначально не соотносится с изложенным, тем не менее с других точек зрения в ней описано все, что может ввести нас в отдельные настроения, которые названы здесь гностическим настроением, настроением Юпитера и так далее.

В мире часто случается, что человек является настолько односторонним, что отдается влиянию только одного созвездия или только одного настроения. Особенно часто эта односторонность в области мировоззрения наблюдается у великих людей. Так, например, Гамерлинг - это выраженный волюнтаристический монадист или монадологический волюнтарист, Шопенгауэр - выраженный волюнтаристический психист. Именно великие люди направляли свои души так, что их планетарное мировоззренческое настроение оказывалось в совершенно определенном духовном созвездии. Другие люди гораздо легче довольствуются различными, как их называют, точками зрения. Но может случиться, что люди будут с различных сторон получать как бы побуждение к мировоззрению, к тому, что они выдают за мировоззрение. Так, например, может случиться, что кто-либо является хорошим логиком, но его логическое настроение находится в духовном созвездии сенсуализма. Одновременно он может быть хорошим эмпириком, но его эмпирическое настроение находится в созвездии математизма. Если это имеет место, тогда возникает совершенно определенное мировоззренческое явление. Как раз в настоящее время мы имеем такое мировоззренческое явление, когда один человек имеет свое Солнце - в духовном смысле - в Близнецах, а свое Юпитера - во Льве. Это - Вундт. И все частности, выступавшие в философских сочинениях Вундта, можно понять, если проникнуть в тайну его особой душевной конфигурации.

Особенно благоприятно, когда человек, упражняясь, действительно пережил различные душевные настроения - оккультизм, трансцендентализм, мистицизм, эмпиризм, волюнтаризм, логизм, гносис, - так что может представить их себе, может сразу ощутить их и затем одновременно поставить все эти настроения в созвездие феноменализма, в Деву. Тогда перед ним реально, как бы в феноменах, исключительно грандиозно выплывает то, что мир может раскрыть ему наиболее благоприятным образом. Если же подобным образом ставить мировоззренческие настроения, одно за другим, в другое созвездие, то это будет не столь благоприятно. Поэтому во многих древних мистериальных школах у учеников вызывали именно то настроение, на которое я теперь указал, ставя все душевные планеты в духовное созвездие Девы, ибо благодаря этому ученики легче всего проникали в мир. Они постигали феномены, но постигали их гностически, логически и так далее; они были в состоянии проникнуть за феномены. Они не ощущали мир в грубом виде. Последнее могло произойти лишь в том случае, если бы душевный строй волюнтаризма был помещен в духовное созвездие Скорпиона. Короче говоря, благодаря конstellляции, которая дана душевными мировоззренческими настроениями, являющимися планетарным элементом, и благодаря нюансам мировоззрений, являющимся элементом духовного Зодиака, возникает мировоззрение, которое человек несет через мир в какой-нибудь инкарнации.

Правда к этому присоединяется еще одно. А именно: эти мировоззрения - ведь

их нюансов много, если искать комбинации различного рода, - модифицируются еще и тем, что все они могут получать вполне определенный тон. В этой области мы должны различать лишь тройкое. Все мировоззрения, все комбинации, которые таким образом возникают, проявляются тройко. Они могут быть, во-первых, теистичными, так что то, что выявляется в душе как тон, я должен назвать теизмом. Они могут быть таковы, что, в противоположность теизму, мы должны назвать соответствующий душевный тон интуитивизмом. Теизм появляется, когда в поисках своего Бога человек придерживается внешнего мира, ищет своего Бога с внешней стороны. Древнееврейский монотеизм был преимущественно теистическим мировоззрением. Интуитивизм возникает в том случае, когда человек ищет мировоззрение преимущественно посредством того, что интуитивно вспыхивает внутри него. Наряду с названными двумя есть еще и третий тон; это - натурализм.

Эти три душевных тона тоже имеют свое изображение во внешнем Космосе, и в человеческой душе они соотносятся друг с другом именно так, как Солнце, Луна и Земля. Так что теизм соответствует Солнцу, причем Солнце рассматривается в данном случае как неподвижная звезда, а не планета; интуитивизм соответствует Луне, а натурализм - Земле. Тот человек, - переведите на духовный язык то, что названо здесь Солнцем, Луной и Землей, - который поднимается над мировыми явлениями и говорит: "Когда я смотрю на мир, мне открывается наполняющий его Бог", тот земной человек, который выпрямляется, когда на него падают лучи солнца, есть теист. Человек, который не поднимается над явлениями природы, а остается при отдельных явлениях, равно как и тот, кто никогда не поднимает своего взгляда к Солнцу, но смотрит только на то, что Солнце порождает на земле, такой человек - натуралист. Тот же, кто ищет в интуиции тот подобен интуитивно творящему поэту, воспевающему Луну и испытывающему в душе влияние серебристого, мягкого лунного света. Как лунный свет можно поставить в связь с (творческой) фантазией, так и интуитивиста, который имеется в виду, нужно оккультно поставить в связь с Луной.

Наконец, есть еще четвертое. Оно, правда, наличествует только в виде одного единственного элемента, когда человек в своем мировоззрении всецело придерживается только того, что может пережить возле себя, вокруг себя или в себе самом. Это антропоморфизм. Он соответствует Земле, когда ее рассматривают как таковую, отвлекаясь от того, окружает ли ее Солнце, Луна или что-либо иное. Подобно тому, как мы можем рассматривать Землю саму по себе, так мировоззренчески мы можем не обращать внимание ни на что иное, кроме того, что мы как люди находим в самих себе. Так возникает столь распространенный в мире антропоморфизм. Выходя за рамки того, чем является человек, - подобно тому, как для объяснения внешнего вида Земли необходимо выйти к Солнцу и Луне, чего современная наука не делает, - приходишь к необходимости признания правомерного существования тройкого - теизма, интуитивизма и натурализма. Ибо истине отвечает не упорствование в одном из этих тонов, а предоставление им возможности звучать совместно. И как наша собственная телесность вместе с Солнцем, Луной и Землей приведена опять-таки в связь с семью планетами, так самое тривиальное мировоззрение - антропоморфизм - включено в созвучие теизма, интуитивизма и натурализма, а оно в свою очередь - в созвучие семи душевных настроений. Эти же семь душевных настроений нюансируются двенадцатью знаками Зодиака.

Вы видите, что уже по названию, но именно только по названию истинно не одно мировоззрение, а $12 + 7 = 19 + 3 = 22 + 1 = 23$ мировоззрения. Мы имеем двадцать три правомерных названия для мировоззрений. Все же остальное может возникнуть благодаря тому, что соответствующие планеты проходят через двенадцать созвездий духовного Зодиака.

Теперь попробуйте, исходя из изложенного, развить ощущение той задачи, которую духовная наука должна разрешить для примирения различных мировоззрений, примирения, исходящего из знания того, что взятые вместе, в их воздействии друг на друга, мировоззрения в определенном отношении объясняют, но, оставаясь односторонними, они не могут вести к истине; необходимо внутренне пережить ценность различных мировоззрений для того, чтобы действительно - мы вправе так выразиться - овладеть истиной. Как вы можете представить себе физический Космос: круг Зодиака, планетную систему, Солнце, Луну и Землю совместно, Землю саму по себе, так вы можете представить себе и духовную

Вселенную: антропоморфизм, теизм, интуитивизм, натурализм; гносис, логизм, волюнтаризм, эмпиризм, мистицизм, трансцендентализм, оккультизм; и все это движется в двенадцати созвездиях духовного Зодиака. Все это существует, но существует духовно. Насколько верно, что физический Космос существует физически, настолько же верно, что это существует духовно.

На половину мозга, которую знает анатом, о которой даже можно сказать, что она имеет форму полушария, воздействуют по преимуществу те влияния духовного Космоса, которые исходят от верхних мировоззрений (von den oberen Nuancen). В противоположность этому существует незримая часть мозга, которая видна только тогда, когда рассматривают эфирное тело, эта часть мозга находится по преимуществу под влиянием нижней части духовного Космоса. Но каково это влияние? Скажем, у кого-нибудь дело обстоит так, что своим логизмом он находится в сенсуализме, а своим эмпиризмом - в математизме. Тогда то, что получается в результате, дает силы, действие которых направлено на мозг, и тогда его верхняя часть является особенно подвижной и заглушает другую.

Бесчисленные нюансы деятельности мозга возникают благодаря тому, что мозг как бы плавает в духовном Космосе, и силы последнего воздействуют на мозг так, как мы это теперь изображали. Мозг у разных людей устроен в действительности столь же разнообразны, сколь они могут разнообразиться в соответствии с комбинациями, вытекающими из духовного Космоса. То, что находится в нижней части духовного Космоса, никогда не воздействует на физический мозг, а воздействует на эфирный.

рис.

Если говорить обо всем этом, то, пожалуй, лучшее впечатление, которое можно получить от этих вещей, будет таково, что можно сказать: человеку открывается ощущение бесконечности мира, качественного величия мира, возможности быть человеком в бесконечном многообразии этого мира. Действительно, если мы смотрим только на одно это, то уже и тогда мы можем сказать: у нас, поистине, нет недостатка в возможностях быть разными в инкарнациях, через которые мы должны проходить на Земле. И можно быть уверенным, что тот, кто так видит мир, именно благодаря этому видению мира скажет: "Ах, насколько же богат, насколько величественен мир! Какое счастье все дальше, все больше, все разнообразнее участвовать в его бытии, в его деяниях, в его стремлениях!"

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Берлин, 23 января 1914 г.

Мы рассмотрели нюансы мировоззрений, мировоззренческие душевные настроения, которые могут владеть человеческой душой. Но из всей этой обширной области мне хотелось бы выделить одну точку зрения посредством особого примера.

Допустим, что какой-либо человек имеет в своих задатках особые силы, заставляющие его подвергаться воздействию мировоззрения идеализма. Я хочу сказать, что этот человек привносит в себе в действие мировоззрение идеализма. Допустим, что он делает его господствующим фактором своей внутренней жизни благодаря тому, что на идеализм указывает и его силами питается то мировоззренческое настроение души, которое я обозначил вчера как мистицизм, как душевный строй Венеры. Поэтому, пользуясь символами астрологии, можно было бы сказать, что духовная конstellация такого человека при его духовных задатках такова, что Венера стоит в Овне.

Во избежание недоразумений я настоятельно обращаю ваше внимание на то, что хотя эти конstellации значат в жизни человека гораздо больше, чем конstellации внешнего гороскопа, они вовсе не совпадают с "расположением звезд в момент рождения", с внешним гороскопом. Ибо дело обстоит так, что усиленное влияние, оказываемое на человеческую душу находением мистицизма в знаке идеализма, ждет благоприятного момента, когда оно сможет овладеть душой в той степени, чтобы она могла извлечь как можно больше из того, что получается в результате стояния мистицизма в знаке идеализма.

Нет надобности, чтобы влияния, которые дают себя знать благодаря стоянию мистицизма в знаке идеализма, проявлялись именно при рождении; они могут проявляться до рождения и после него. Короче говоря, выжидается момент, когда в

соответствии с внутренней органической конфигурацией человека эти задатки могут быть наилучшим образом внедрены в человеческий организм.

Таким образом, здесь не имеет значения обыкновенное астрологическое "расположение звезд в момент рождения". Но можно говорить, что какая-нибудь душа обладает такой духовной предрасположенностью, что Венера стоит у нее в Овне, то есть мистицизм находится в знаке идеализма. Силы, которые возникают таким образом, не сохраняются в течение всей жизни. Они меняются, то есть человек попадает под другие влияния, под другие знаки духовного Зодиака, а также под другие душевные настроения. Допустим, человек меняется так, что в течение своей жизни вступает в душевное настроение эмпиризма, то есть мистицизм как бы продвигается к эмпиризму, а эмпиризм стоит в знаке рационализма. Вы видите, - я это чертил вчера, - что следуя от внутреннего к внешнему, эмпиризм символически располагается рядом с мистицизмом, как Солнце рядом с Венерой. Душа в отношении своего настроения продвигается к эмпиризму и одновременно встает в знак рационализма. В жизни души это выражается в том, что она меняет свое мировоззрение. То, что она развила, может быть, именно тогда, когда была особенно полна сил, а ее мистицизм стоял в знаке идеализма, - все это она изменит и переведет в другое мировоззрение. Она будет утверждать иное, когда мировоззренческое душевное настроение мистицизма перейдет таким путем в эмпиризм, а эмпиризм окажется в знаке рационализма. Но из того, что я только что изложил, вы в то же время можете сделать вывод, что человеческие души склонны менять знак и душевное настроение своего мировоззрения. "Этой" душе некоторым образом уже задана тенденция к изменениям. Допустим, что она хочет проводить эту тенденцию и дальше. Она хочет продвинуться от эмпиризма к ближайшему душевному строю - к волюнтаризму. И если бы она также продвигалась и в знаках Зодиака, то вступила бы в математизм. Она перешла бы тогда к мировоззрению, которое на этом символическом изображении отклоняется под углом в 60° от первой линии, на которой мистицизм стоял в знаке идеализма. Такая душа выявила бы тогда в течение той же инкарнации проникнутое волей, новывающееся на воле математическое строение мира (Weltgebude).

схема

Однако тут обнаруживается, - и ж прошу обратить на это внимание, - что, находясь в душе, две такие конstellации с течением времени начинают мешать друг другу, оказывают неблагоприятное влияние друг на друга, если расположены так, что образуют угол в 60°. В физической астрологии такая конstellация благоприятна; в духовной же астрологии такое "секстильное положение" неблагоприятно. Это выражается в том,

что последнее положение - волюнтаризм в математизме - встречает такое сильное препятствие в душе, что не может развиться, ибо не находит точки приложения, так как данное лицо не проявляет никаких склонностей к математике. Неблагоприятность секстильного положения выражается в том, что математические склонности отсутствуют. Итак, это положение - волюнтаризм в знаке математизма - не может развиваться. Вследствие этого не делается даже и попытки продвинуть душевное настроение в этом направлении. Но ввиду того, что означенная душа теперь не может проделать путь к волюнтаризму в математизме, она отклоняется от положения, которое теперь занимает - от эмпиризма в рационализме, и в поисках выхода встает в оппозицию к направлению, которого еще могла бы придерживаться. Следовательно, такая душа не продвинулась бы к волюнтаризму тем путем, который обозначен на рисунке пунктиром, а оказалась бы вместе с волюнтаризмом в оппозиции к своему эмпиризму в рационализме.

схема

Это произошло бы в знаке динамизма. Волюнтаризм в оппозиции к рационализму стоял бы в знаке динамизма. И в течение жизни такая душа имела бы (как приемлемую для нее) конstellацию, представляющую мировоззрение, которое опирается на особое проникновение сил, динамизма в мир, пронизанный волей. Воля, проникнутая силой воля!

В спиритуальной астрологии дело обстоит опять-таки иначе, чем в физической. В физической астрологии оппозиция имеет совершенно иное значение, чем в спиритуальной. Здесь же оппозиция вызывается тем, что душа не может идти далее

по пути, который является неблагоприятным, и переходит в оппозицию.

Я нарисовал здесь картину того, что проделала в течение своей жизни душа Ницше. Если вы попытаетесь понять путь, которым она следовала в его первых трудах, то сможете найти объяснение ему в том, что мистицизм находился в знаке идеализма. К этому времени относятся "Рождение трагедии" и "Нечеловеческое в человеке и человеческое восприятие нечеловеческого" в четырех частях: "Давид Штраус как мыслитель и писатель", "О пользе и вреде истории для жизни", "Шопенгауэр как воспитатель", "Рихард Вагнер в Байрейте". Душа продвигается далее. Наступает вторая эпоха. На нее приходится "Человеческое, слишком человеческое", "Утренняя заря", "Веселая наука". Здесь эмпиризм находится в знаке рационализма. В третьем периоде, определяющемся оппозиционным положением, появляются сочинения, основанные на воле к власти, на воле, проникнутой силой, могуществом: "По ту сторону добра и зла", "К генеалогии морали", "Казус Вагнер", "Сумерки кумиров", "Антихристианин", "Так говорил Заратустра".

Таким образом, вы видите, что существует закономерная внутренняя связь между духовным Космосом и тем, каким образом в нем находится человек. Пользуясь символами астрологии, которые, однако, имеют несколько иное значение в настоящее время, можно сказать, что у Ницше в известный период его жизни Венера находилась в знаке Овна, но когда эта конstellляция в его душе перешла к Солнцу в знаке Тельца, тогда он не смог продвигаться далее, не сумел проникнуть с помощью Марса в знак Близнецов, а перешел в оппозиционное положение, то есть перешел вместе с Марсом в знак Скорпиона. Его последняя философская фаза характеризовалась тем, что его Марс стоял в знаке Скорпиона. Однако, эту конstellляцию, - ту, которая появляется при проникновении в нижние положения, то есть ниже линии "идеализм-реализм" (см. схему 8), - можно выдержать, только погрузившись в такое духовное мировоззренческое настроение, как оккультизм или подобное ему; в противном случае такие конstellляции должны неблагоприятным образом отразиться на самом человеке. Отсюда и трагическая судьба Ницше. Верхние конstellляции можно выдержать, сумев занять соответствующее положение во внешнем мире. То, что лежит ниже линии, ведущей от идеализма к реализму, человек выдерживает только в том случае, если погружается в духовную науку, чего Ницше сделать не мог. Говоря "занять положение во внешнем мире", я имею в виду все, чего можно достигнуть, например, посредством воспитания, посредством внешних условий. Эти вещи имеют значение для всего, лежащего выше линии "идеализм-реализм". Медитативная жизнь, жизнь, отмеченная изучением и пониманием духовной науки, имеет значение для всего, лежащего ниже линии "идеализм-реализм".

Чтобы оценить значение того, что в общих чертах намечено в этих лекциях, необходимо уяснить для себя, чем, собственно, мысль является в человеческом переживании, как она включается в человеческое переживание.

Современный грубый материалист в соответствии со своей общей направленностью считает необходимым говорить, что мозг образует мысль, что центральная нервная система образует мысль. Для того, кто понимает суть вещей, это столь же верно, сколь верно думать, глядя в зеркало, что зеркало создало лицо, которое в нем видят. Но зеркало отнюдь не создает видимого в нем лица; лицо находится вне зеркала. Зеркало только отражает лицо, отбрасывает назад его образ. Я неоднократно говорил об этом даже в открытых лекциях. Подобным же образом обстоит дело и с тем, что переживает человек, когда мыслит. (Отвлечемся пока от иного содержания души). Когда человек мыслит, переживание мысли, являющееся подвижным и реальным в душе, возникает столь же мало благодаря мозгу, сколь мало лицо возникает благодаря зеркалу. В действительности мозг действует только как отражающий аппарат: он отражает деятельность души, и она становится видимой самой себе. С тем, что человек воспринимает как мысль, мозг имеет дела столь же мало, сколь зеркало - с вашим лицом, когда вы видите в нем свое отражение.

Но тут есть и нечто иное. Когда человек думает, он, собственно, воспринимает только последнюю фазу своей мыслительной деятельности, своего мыслительного переживания. Чтобы сделать это понятным, я взял бы опять для сравнения зеркало. Представьте себе, что вы хотите увидеть свое лицо в зеркале. Если зеркала нет, вы не сумеете увидеть своего лица. Можете смотреть сколько угодно, своего лица вы не увидите. Если же вы хотите увидеть его, то вы должны обработать какой-либо

материал так, чтобы он стал зеркалом. То есть вам нужно сначала подготовить зеркало, чтобы явилось отражение. Сделав зеркало и взглянув в него, вы увидите свое лицо. То же самое, что проделал бы с зеркалом человек, должна проделывать с мозгом душа. Деятельности восприятия мысли предшествует деятельность, которая, - если вы, например, хотите воспринять мысль о "льве", - сначала приводит в движение глубоко внутри части мозга так, что они становятся зеркалом для восприятия мысли о "льве". А тот, кто превращает мозг в зеркало, это - вы сами. То, что вы воспринимаете в конце концов в качестве мыслей, это - зеркальные отражения, а то, что вы должны сначала подготовить, чтобы появилось соответствующее зеркальное отражение, это - какая-либо часть мозга. Вы сами своей душевной деятельностью придаете мозгу структуру и сообщаете ему способность отразить как мысль то, что вы думаете. Если вы хотите понять, что за деятельность лежит в основе мышления, то это та деятельность, которая, исходя из души, входит в мозг и действует в нем. И когда вы, исходя из души, производите в мозгу определенную деятельность, тогда в нем возникает такое отражение, которое вы воспринимаете как мысль о "льве". Вы видите, что сначала должно быть духовно-душевное. Оно должно работать над мозгом. Тогда благодаря этой духовно-душевной деятельности мозг становится зеркальным аппаратом для отражения мыслей. Это реальный процесс, который для многих современных людей настолько запутан, что они вообще не могут его понять.

Тот, кто сколько-нибудь продвинулся в оккультном наблюдении, может различать эти две фазы душевной деятельности. Он может проследить, как сначала, стремясь что-либо помыслить, он должен не только уловить саму мысль, но и подготовить ее появление, то есть подготовить свой мозг. Подготовив его настолько, что тот становится способным к отражению, он воспринимает мысли. Стремясь в оккультном исследовании получить представление о вещах, всегда имеешь задачей не представлять себе представление сразу, а сначала осуществить ту деятельность, которая подготавливает представление. Это чрезвычайно важно принимать во внимание. Эти вещи мы должны учитывать, потому что только учитывая их, мы имеем дело с подлинной силой человеческой мысли. Только теперь мы знаем, как протекает человеческая мыслительная деятельность. Сначала мыслительная деятельность охватывает мозг, иначе -какую-либо часть центральной нервной системы, развивает в ней некоторую деятельность, вызывает, скажем, некое движение в атомистических частях (мозга), приводит их в то или иное движение. Благодаря этому они становятся зеркальным аппаратом, мысль отражается и душа осознает мысль как таковую. Следовательно, мы должны различать две фазы: сначала исходящую из духовно-душевного работу над мозгом, а затем, после того как душой была произведена подготовительная работа над мозгом, восприятие. У обыкновенного человека работа над мозгом остается целиком в подсознании; он воспринимает только отражение. У оккультного исследователя дело действительно обстоит так, что ему сначала необходимо пережить подготовку. Необходимо пережить, как надлежит включить душевную деятельность и как надо сначала подготовить мозг для того, чтобы он соблаговолил предоставить тебе мысль.

То, что я сейчас изложил, происходит у человека непрерывно между пробуждением и засыпанием. Мыслительная деятельность постоянно направлена на мозг и делает его зеркальным аппаратом для мыслей на все время бодрствования. Однако недостаточно, чтобы посредством мыслительной деятельности обработке в нас подвергалось только то, что мы таким образом обрабатываем сами. Ибо деятельность, осуществляемая духовно-душевной, является узко-ограниченной. Когда мы просыпаемся утром, бодрствуем днем, снова засыпаем вечером, то духовно-душевная деятельность, относящаяся к мышлению, состоит в том, чтобы весь день производить работу над мозгом, благодаря чему он становится зеркальным аппаратом. Но прежде нужен мозг; тогда духовно-душевная деятельность может оставлять свои маленькие отпечатки, может, я бы сказал, вносить в мозг свои пометки и делать на нем гравировки. Следовательно, налицо должен быть мозг в его основной форме, в его основной массе. Однако этого недостаточно для человеческой жизни.

Наш мозг не мог бы подвергаться обработке повседневной жизненной работой, если бы весь наш организм не был готов стать основой для нее. Эта работа по подготовке для человека его организма исходит из Космоса. Подобно тому, как мы ежедневно от пробуждения до засыпания работаем - тривиально выражаясь - над

гравировкой нашего мозга, что делает его зеркальным аппаратом для повседневных мыслей, так там, где мы сами не можем гравировать себя, то есть давать себе форму, нам должна быть дана форма из Космоса. И подобно тому, как наши маленькие мысли работают в мозгу и производят свои маленькие гравировки, так и весь наш организм должен быть построен из Космоса по тому же самому образцу мыслительной деятельности. И он действительно строится так, потому что то же самое, что работает в нас над гравированием (мозга) в малом, наличествует в Космосе, пронизывая его волнами мыслительной деятельности. То, что является нам в итоге в идеях, что мы знаем, например, как идеализм, находится в главном Космосе в виде деятельности, вызывающей идеализм, и может оказывать воздействие на человека, подготавливая весь его организм именно к идеализму. Точно так же в человека входят из духовного Космоса и другие нюансы настроений и мифовоззрений.

Человек построен в соответствии с мыслями Космоса. Космос - великий мыслитель, который гравировает нашу форму вплоть до последнего ногтя на пальце подобно тому, как в повседневной жизни наша маленькая мыслительная работа производит в мозгу свои маленькие гравировки. Как наш мозг, - но только в тех его малых частях, где могут совершаться гравировки, - находится под влиянием нашей мыслительной деятельности, так и все наше человеческое существо находится под влиянием космической мыслительной деятельности.

Что все это значит? В приведенном примере с Ницше это значит, что благодаря своей прежней инкарнации и под влиянием Космоса Ницше был подготовлен в своей карме так, что в определенный момент силы идеализма и мистицизма, которые действовали совместно, потому что мистицизм стоял в знаке идеализма, подействовали на всю его телесную конституцию таким образом, что он оказался способен стать прежде всего мистическим идеалистом. Затем, однако, конstellация указанным образом изменилась.

Мы мыслимы Космосом. Космос мыслит нас. И подобно тому, как в своей повседневной мыслительной деятельности мы производим маленькие гравировки в нашем мозгу, а потом в наше сознание проникают представления о льве, собаке, столе, розе, верхе, низе, левом и правом в виде зеркальных отражений того, что мы предварительно произвели в мозгу, то есть подобно тому, как посредством обработки мозга мы в конце концов различаем льва, собаку, стол, розу, книгу, верх, низ, чтение и письмо, так действуют и существа Вселенских Иерархий, чтобы исполнить великую мыслительную работу, которая запечатлевает в мире нечто более значительное, чем совершаем мы с нашей повседневной мыслительной деятельностью. Так возникают не только крохотные гравировки, которые затем отражаются порознь как наши мысли, но и мы сами всем своим существом предстаем существам высших Иерархий как их мысли.

Как наши маленькие мозговые процессы отражают наши маленькие мысли, так мы сами отражаем мысли Космоса благодаря тому, что выгравированы в мире. Мысля, космические Иерархии мыслят, например, нас, людей. Как наши маленькие мысли приходят к нам от наших маленьких мозговых частиц, так от того, что делают Иерархии, и к чему относимся и мы сами, приходят их мысли. Подобно тому, как части нашего мозга являются для нас зеркальными аппаратами, которые мы специально подготавливаем для наших мыслей, так и мы, маленькие существа, являемся тем, что космические Иерархии готовят себе для своих мыслей. Стало быть, мы можем сказать: по отношению к Космосу мы можем чувствовать себя так же, как маленькая частица нашего мозга могла бы чувствовать себя по отношению к нам самим. Сколь мало, однако, мы в духовно-душевном отношении являемся тем, чем является наш мозг, столь же мало и существа духовных Иерархий являются нами. Поэтому мы самостоятельны по отношению к существам высших Иерархий. И мы можем сказать: в известном отношении мы служим им тем, что они могут посредством нас мыслить; в то же время мы являемся самостоятельными существами, которые обладают собственным бытием, подобно тому, как даже клетки нашего мозга обладают в известном отношении собственной жизнью.

Так мы находим связь между человеческой и космической мыслью. Человеческая мысль управляет мозгом; космическая мысль правит таким образом, что мы всем своим существом принадлежим тому, что она должна совершить. Но так как в силу нашей кармы Космос не всегда может в одинаковой степени обращать на нас все свои мысли, то мы должны быть подготовлены согласно его логике. У нас,

людей, есть логика, в соответствии с которой мы мыслим. У духовных Иерархий Космоса тоже есть своя логика, которая состоит в том, что мы изобразили на схеме 8. Подобно тому, как мы, думая, например, "лев - млекопитающее животное", объединяем два понятия в одном суждении, так духовные Иерархии Космоса мыслят вместе две вещи - мистицизм и идеализм: "Пусть мистицизм явится в идеализме". Представьте себе это прежде всего как подготовительную деятельность Космоса. "Пусть мистицизм явится в идеализме!" - так звучит творческое fiat*Fiat - da будем! (лат.), творческое слово. Подготовительная деятельность для существ духовных Иерархий заключается в том, чтобы избрать человека, чья карме соответствует развитие задатков, необходимых для превращения в мистического идеалиста. Космическим Иерархиям отражается то, что мы назвали бы для себя мыслью, а для них - проявлением человека, являющегося мистическим идеалистом, который становится их мыслью после того, как было подготовлено космическое решение: "Пусть мистицизм явится в идеализме!"

Мы, некоторым образом, обрисовали внутреннюю сторону космического Слова, космического мышления. То, что мы изобразили на схеме как космическую логику, показывает нам, каким образом духовные Иерархии Космоса мыслят, например: "Пусть эмпиризм явится в знаке рационализма!" и так далее. Попробуем представить себе, что может мыслиться в Космосе таким образом. Может мыслиться: "Пусть мистицизм явится в знаке идеализма! Пусть он возникнет! Да будет эмпиризм в знаке рационализма! Препятствие!". То, что последовало бы далее, было бы ложным космическим суждением. Мысль сворачивает в сторону, и мы получаем исправленную ошибку мысль, подобно тому, как бывает с нами, когда мы проверяем мысль. Должно появиться третье положение: "волютизм в знаке динамизма". Результат этих произнесенных в свое время в космических мирах трех суждений проявляется в человеке "Ницше". И он отражается назад как мысль Космоса.

Так глаголит сумма духовных Иерархий в Космосе. И наша человеческая мыслительная деятельность есть отражение, маленькое отражение этого. Миры относятся к духу или духам Космоса так, как наш мозг относится к нашей душе. Так мы можем заглядывать внутрь того, на что должны были бы взирать только с известным благоговением, со священным трепетом, ибо мы стоим перед тайнами человеческих индивидуальностей. Мы учимся понимать, что взор существ высших Иерархий, образно выражаясь, блуждает по отдельным человеческим индивидуальностям и что для них эти индивидуальности являются тем, чем для нас являются отдельные буквы книги, которую мы читаем. Это-то и является тем, на что мы смеем взирать только со священным трепетом. Мы подслушиваем мыслительную деятельность Космоса!

В наше время завеса такой тайны должна быть несколько приподнята. Ибо законы, которые раскрыты здесь как законы космических мыслей, действуют и в человеке. Их познание может нам в понимании жизни, а через понимание жизни мы научимся понимать самих себя, понимать так, что даже будучи в силу того или иного обстоятельства односторонне поставлены в жизни, будем осознавать свою принадлежность одному великому целому, ибо мы являемся членами мыслительной логики Космоса. К прозрению этих отношений нас направляет духовная наука, которая тем самым наставляет нас в понимании односторонности наших способностей в той же мере, в какой наставляет и в обретении всесторонности посредством духовно-научных знаний. Так мы обретем то настроение, которое необходимо именно в наше время.

В наше время, когда у многих задающих тон умов нет даже следа понимания затронутых здесь вещей, мы видим, что люди тем не менее находятся среди таких вещей, но не умеют жить в них. Из-за этого они создают нечто, чему необходимо выравнивание. Возьмите пример с Вундтом, который я приводил вам вчера. Его односторонность обуславливается вполне определенной констелляцией. Предположим, что он смог бы когда-нибудь дойти до понимания духовной науки; тогда бы он воспринимал свою односторонность так, что сказал бы: "От того, что я нахожусь в эмпиризме и так далее, я способен в определенных областях вести плодотворную работу. Я остаюсь в этих областях, а остальное восполняю посредством духовной науки". Он пришел бы к такому суждению. Но он ничего не знает о духовной науке. Что он делает в этой связи? В то время, как он мог бы делать благое дело, продуктивное в констелляции, которая присуща именно ему,

Вундт превращает то, что может произвести в силу этой констелляции, в общую философию. Он, возможно, мог бы дать гораздо больше, намного больше, мог бы принести пользу, если бы оставил философствование, экспериментировал бы с явлениями душевной жизни, - что он умеет, - и исследовал бы природу математических суждений, - что он тоже умеет, - вместо того, чтобы делать из всего этого "философское варево". Тогда бы он был на верном пути.

То же самое необходимо сказать и о многих других. Поэтому духовная наука, которая, с одной стороны, должна вызывать умонастроение, позволяющее понять, как поддерживать мир между отдельными мировоззрениями, с другой стороны, должна решительно указывать на превышение границ констелляции современными людьми, которые причиняют большой ущерб, оказывая на мир суггестивное влияние суждениями, высказываемыми без оглядки на собственную констелляцию. Необходимо решительно отклонять те односторонние построения, которые добиваются для себя всеобъемлющего признания. Мир не позволяет объяснить себя человеку, односторонне предположенному к тому или иному. А если человек захочет подобным образом объяснить его и развить философию на этой почве, то такая философия окажет неблагоприятное влияние. В таком случае у духовной науки появляется задача давать отпор высокомерным претензиям такой односторонности, воображающей, что она может охватить мир в целом. Чем меньше будет в наше время склонности к духовной науке и ее пониманию, тем сильнее будет выступать названная односторонность.

Таким образом, мы видим, что именно понимание существа человеческой и космической мысли может привести нас к нетливому видению значения и задачи духовной науки в наше время, а также того в ней, что может привести ее в надлежащее отношение к другим, так называемым духовным - преимущественно философским - течениям нашего времени. Было бы желательно, чтобы именно познания такого рода, к каким мы пытались подойти в этих лекциях, запечатлевались особенно глубоко в сердцах и душах наших друзей, чтобы антропософский духовный поток принимал совершенно определенное, истинное направление в мире. Имея в виду такие вещи, можно будет все лучше и лучше понимать, каким образом человек формируется тем, что живет в нем как космическая мысль.

Именно благодаря сказанному еще более глубокой, чем прежде, является перед нами мысль Фихте, который говорит: "Какая у кого философия, зависит от того, что он за человек". Да, поистине, какая у кого философия, зависит от того, что он за человек! То, что Фихте высказал как основной нерв своего мировоззрения в первый период инкарнации, в которой он был Фихте: "Наш мир - это наглядный материал для исполнения нашего долга", - как и приведенные выше слова, высказанные им позже, - показывает, как изменила его душа свою констелляцию в духовном Космосе, то есть насколько богатой была его душа, если духовные Иерархии могли преобразовывать ее форму, чтобы иметь возможность посредством нее думать свои личные мысли. Нечто подобное можно было бы сказать и о Ницше.

Разнообразные аспекты видения мира выступают, когда перед душой стоят такие вещи, как те, что были охарактеризованы в этих четырех лекциях. Самое лучшее, что мы можем приобрести при этом, это, конечно, все более глубокое проникновение взором, чувством и ощущением в духовное устройство мира. Если бы только одно было достигнуто посредством так цикла лекций, - чтобы как можно больше ваших душ сказали бы себе: "Если хочешь погрузиться в духовный мир, то есть в мир истины, а не в мир заблуждения, то надо действительно отправляться в путь. Ибо многое, весьма многое должно быть принято во внимание на этом пути для того, чтобы можно было достичь источников истины. И если мне вначале и могло показаться, что где-то имеется противоречие, что где-то я не мог чего-то понять, то все же я должен сказать, что мир существует не для того, чтобы быть доступным любому состоянию человеческой способности понимания, и что я лучше буду искателем, нежели человеком, который в своем отношении к миру только и спрашивает: "Что я могу понять? Чего не могу понять?"

Когда становишься искателем, когда серьезно вступаешь на путь поисков, понимаешь, что надо старательно собирать импульсы с самых разных сторон, чтобы обрести некоторое понимание мира. Тогда совершенно отвыкаешь от манеры относиться к миру с позиции: "понимаю я это или не понимаю?", а ищешь, ищешь и ищешь все дальше! Злейшими врагами истины являются законченные и

стремящиеся к законченности мировоззрения, которые хотят связать пару мыслей и полагают, будто с помощью этой пары мыслей могут соорудить мироздание.

Мир бесконечен качественно и количественно. И будет истинным благословением, если найдутся души, которые захотят ясным взглядом смотреть на то, что так ужасно проявляется в наше время в виде высоко мнящей о себе односторонности, которая хочет охватить целое. Я бы сказал, - и я говорю это сбиваемым кровью сердцем, - что величайшим препятствием к пониманию того, как происходит в мозгу подготовительная мыслительная деятельность, как благодаря ей мозг становится зеркалом и отражает душевную жизнь, - факт, знание которого могло бы пролить бесконечно много света на многие другие физиологические познания, - величайшим препятствием к пониманию этого факта является сошедшая с ума физиология нашего времени, которая говорит о двоякого рода нервах, о моторных и сенсорных нервах. Этого вопроса я также уже касался в некоторых лекциях. Чтобы выдвинуть это постоянно встречающееся в физиологии учение, физиология поистине должна была прежде совершенно лишиться рассудка. И все же в настоящее время это учение является одним из общепризнанных и становится поперек дороги всякому истинному пониманию природы мысли и природы души. Никогда нельзя будет понять человеческую мысль, пока физиология создает такое препятствие к пониманию мысли. Но мы зашли так далеко, что в настоящее время необоснованная физиология открывает всякий учебник психологии и ставит последнюю в зависимость от себя. Одновременно люди закрывают себе этим и путь к познанию космической мысли.

Чем является мысль в Космосе, начинаешь понимать только тогда, когда чувствуешь, чем является мысль в человеке, когда чувствуешь себя в истинном существе мысли, которая не имеет с мозгом иного дела, кроме того, что сама является владыкой этого мозга. Постигая же мысль в ее существовании в качестве человеческой мысли, чувствуешь себя перенесенным вместе с этой мыслью в космическое, и тогда наше познание истинной природы человеческой мысли расширяется до познания истинной природы космической мысли. Если мы начнем правильно понимать, как мы мыслим, то мы также начнем понимать, как нас мыслят Власти Космоса. Да, мы даже получаем возможность бросить взгляд в логику Иерархий. Я сделал для вас набросок отдельных составных частей суждений Иерархий, понятий, которые имеют Иерархии. В двенадцати знаках духовного Зодиака, в семи мировоззренческих настроениях и так далее заключены понятия Иерархий. А то, чем являются люди, это - суждения Космоса, которые вытекают из этих понятий. Так чувствуем мы себя включенными в логику Космоса, то есть в логику космических Иерархий, чувствуем себя душами, включенными в космические мысли подобно тому, как мысль, которую мы мыслим, мы чувствуем включенной в нашу душевную жизнь.

Попробуйте медитировать над мыслью: "Я мыслю мои мысли". И: "Я являюсь мыслью, которая мыслится космическими Иерархиями. Мое вечное состоит в том, что вечно мышление Иерархий. И если я когда-то был помыслен одной категорией Иерархий, то затем я буду передан, - как от учителя к ученику передается мысль человека, - от одной категории Иерархий к другой, чтобы и она мыслила меня в моем вечном, истинном существе. Так я чувствую себя посреди мыслительного мира Космоса".

На этом я заканчиваю настоящий краткий цикл лекций.

ПРИМЕЧАНИЯ

Четыре лекции "Человеческая и космическая мысль" были прочитаны Рудольфом Штайнером в рамках проходившего с 18 по 23 января 1914 г. в Берлине второго Генерального собрания Антропософского общества, основанного в декабре 1912 года. Название цикла лекций принадлежит Рудольфу Штайнеру.

К стр.:

"Миро- и жизневоззрения" - "Миро- и жизневоззрения в девятнадцатом веке". Тт. 1-2. Берлин, 1900/1901. В переработанном виде изданы в 1914 году под названием "Загадки философии". Полное собрание сочинений (ПСС), т. 18.

Духи Формы, Духи Движения - принятые в духовной науке обозначения существ высших духовных Иерархий, соответствующих влечению (Экзусиай) и Силам (Динамис) в учении о Небесных Иерархиях Дионисия Ареопагита. Подробнее см. в книге Рудольфа Штайнера "Очерк гайноведения", гл. "Развитие мира и человек".

Гете И. В. "Метаморфоз растений" - см.: Goethe "Naturwissenschaftliche Schriften", herausgegeben und kommentiert von Rudolf Steiner in Kürschners "Deutsche Literatur", 5 Bände (1884-1897). В русском переводе см.: Иоганн Вольфганг Гете. Избранные сочинения по естествознанию. Перевод и комментарии И. И. Канаева. Л., 1957. См. также: Лихтенштадт В. О. Гете. Борьба за реалистичное мировоззрение, Пб, 1920.

... Кант хотел устранить - см.: Кант И. Критика чистого разума. Учение о началах, часть II, отдел II, кн. II, гл. 3.

... онтологическое доказательство бытия Божия - выдвинуто Ан-сельмом Кентерберийским (1033/34 - 1109).

См. "Прослогион" в кн.: Ансельм Кентербирийский. Сочинения. М., 1995.
Фриц Маутнер - см.: "Beiträge zu einer Kritik der Sprache". 3 Bände.
Stuttgart und Berlin, 1901/1902. - "Wörterbuch der Philosophie.
Neue Beiträge zu einer Kritik der Sprache". 2 Bände, München und
Leipzig, 1910. ... Фихте однажды сказал - дословно: "Unsere Welt ist das versinnlichte Material unserer
Pflicht" в "Über den Grund unseres
Glauben an eine Göttliche Weltregierung" (Об основании нашей веры в мировое божественное правление), 1798.
... кантовское изречение — дословно гласит: "Вместе с тем я утверждаю, что в любом частном учении о
природе можно найти науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в ней тематики".
("Метафизические начала естествознания". Предисловие. - См.: Иммануил Кант. Сочинения в шести томах. Т. 6. М.,
1966. С. 58)
... как когда-то сказал Дюбуа-Реймон - изложение основного убеждения берлинского физиолога Эмиля
Дюбуа-Реймона, высказанного им в лекции "О границах природопознания", Лейпциг, 1872 г.
... для Лейбница это монада - см. "Монадологию" в кн.: Готфрид Вильгельм Лейбниц. Сочинения в четырех
томах. Т. 1. М., 1982.
"Атомистика воли" - см.: Robert Hamerling "Die Atomistik des Willens: Beiträge zur Kritik der modernen
Erkenntnis". 2 Bände. Hamburg, 1891.
Фридрих Ницше (1844 - 1900) - названные в лекции труды Ницше публиковались в следующей
последовательности:
"Рождение трагедии", 1872. - "Несвоевременные размышления" в четырех частях, 1873 - 1876.
"Человеческое, слишком человеческое", 1878. - "Утренняя заря", 1881. - "Веселая наука", 1882.
"Так говорил Заратустра", 1883/1884. - "По ту сторону добра и зла", 1885/1886. - "К генеалогии морали", 1887.
- "Казус Вагнер", 1888. - "Сумерки кумиров", 1888. - "Антихристианин", 1888.
... Фихте говорит - дословно: "Какую кто философию выберет, зависит поэтому от того, какой кто человек,
философская система - не мертвая утварь, которую можно было бы откладывать или брать по желанию: она
одушевлена душою человека, обладающего ею". ("Первое введение в наукоучение", 1797. См.: Иоганн Готлиб Фихте.
Сочинения в двух томах. Т. 1. СПб, МСМХСШ. С. 460).
... моторные и сенсорные нервы - см. книгу Рудольфа Штайнера "О загадках души" ("Von Seelenirgtseln"), а
также его лекции от 23 марта 1920 г. (ПСС, т. 312) и 21 апреля 1920 г. (ПСС, т. 301).

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДАМАСК»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1999